

Изъ воспоминаній о 1917—20 г. г.

В. М. Краснова

(Продолженіе*)

XVI.

Свобода печати у большевиковъ. Признаки приближающагося паденія. Ставка на винтовку. «Верховая ѣзда» по способу Троцкаго. Эпизоды совѣтскаго управленія. Тренія между совѣтскими учрежденіями. Въ ожиданіи новой власти.

Послѣ провозглашенія совѣтской власти, будущій премьеръ Ставропольскаго совнаркома, А. А. Пономаревъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи въ ту же ночь персонально побывать въ редакціи издававшейся А. М. Воскресенскимъ газеты и объявить о ея закрытіи.

Издававшіяся социаль-революціонерами и меньшевиками газеты еще нѣкоторое, непродолжительное время существовали но, послѣ ряда конфискацій и репрессій, принуждены были закрыться.

Редакторъ одной изъ этихъ газетъ, членъ Учредительнаго Собранія Е. А. Дементѣевъ, имѣлъ мужество выступить на одномъ изъ совѣтскихъ съѣздовъ съ рѣзкой критикой военныхъ затѣй совѣтской власти и выдержать, въ значительной мѣрѣ искусственную, бурю негодованія, поднятую по почину Пономарева. Въ дальнѣйшемъ такія выступленія стали невозможны.

Отрѣзанное отъ центральной Россіи и казачьихъ областей совѣтскимъ барьеромъ, населеніе принуждено было питаться односторонними до уродливости фанфаронадами большевистскихъ оффиціозовъ и, невѣдомо откуда исходящими, слухами о томъ, что Добровольческая армія еще жива, что силы ея, перетерпѣвъ судебъ удары, крѣпнутъ, что она не является арміей завоевателей-мстителей...

Борясь съ этими слухами, большевистскіе оффиціозы порой прерывали свое замалчиваніе движенія добровольческихъ отрядовъ сообщеніями, что первое посѣщеніе ими губерніи стоило населенію села Лежанки въ февралѣ 1918 года нѣсколькихъ сотъ труновъ, что при второмъ посѣщеніи, на Страстной седмицѣ, подожжено черкесами село Горькая-Балка, что при штурмѣ Екатеринодара Добровольческая армія окончательно уничтожена и т. д.

Но какъ ни былъ бравуренъ тонъ большевистскихъ оффиціозовъ, все же чувствовалось, что этотъ періодъ властвованія большевиковъ въ Ставропольской губерніи подходит къ концу.

* См. Архивъ Русской Революціи т. VIII.

Это чувствовалось по размаху тѣхъ паникъ, которыя рождались внезапно и быстро вырастали чуть не до катастрофическихъ размѣровъ, по нервности, проявляемой самой властью и тѣми слоями, которые были причастны къ большевизму, по неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, толкавшей нѣкоторыхъ совѣтскихъ дѣятелей заблаговременно, въ чаяніи крушенія совѣтскаго корабля, запасть подъ сурдинку спасательнымъ поясомъ, зондируя почву, не будетъ-ли имъ прощенія отъ иной грядущей власти.

И какъ ни старались большевистскіе оффиціозы, какъ ни свирѣпствовалъ матросско-солдатскій терроръ, все-же ощущалось, — и прежде всего ощущали это большевики, — что власть ихъ прочныхъ корней въ населеніи не имѣетъ, будетъ сорвана съ мѣста и унесена, какъ «перекати-поле», первымъ-же порывомъ налетѣвшей бури.

Это почувствовали большевики, когда крестьяне одного изъ ближайшихъ совѣтскихъ сѣздовъ въ губерніи отказали въ санкціонированіи организациі красной арміи и подверглись вооруженной угрозѣ со стороны «малой коллегіи».

Въ Ставрополѣ была разогнана городская дума, въ селахъ комиссары и эмиссары разгоняли начавшее прививаться волостное земство. Новыя сельскія власти, вооруженныя всеми родами оружія, зря гоняли по улицамъ и дорогамъ крестьянскихъ лошадей, обучаясь «верховой ѣздѣ» властвованія по способу Троцкаго*.

Это обученіе «верховой ѣздѣ» сводилось къ «разбазариванію» частновладѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ и разсадниковъ племенного скота, закрытію медицинскихъ, ветеринарныхъ, зерноочистительныхъ и прокатныхъ пунктовъ прежняго земства, экспериментамъ надъ тонкоруннымъ овцеводствомъ, закончившимся гибелью около 500,000 мериносовыхъ овецъ, о чемъ я говорилъ выше, и т. д.

Большевики дѣлали опредѣленную и откровенную ставку не на крестьянъ, которые составляли 90% населенія, не на рабочихъ, которыхъ въ губерніи былъ ничтожный процентъ, а на пришлого, озвѣрѣвшаго на фронтѣ, или разложившагося въ тылу, солдата, обладавшаго винтовкой и патронами — реальными атрибутами большевистской власти.

Большевистскіе владыки, несогласные съ такой упрощенной оріентаціей, послѣ короткаго періода властвованія сами вылетали изъ сѣдла и искали спасенія отъ солдатчины въ бѣгствѣ, какъ это было, на примѣръ, съ предсѣдателемъ совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревымъ.

Населеніе губерніи было отдано во власть Анисимовыхъ, Ашихиныхъ, Игнатьевыхъ, Труновыхъ и Сараевыхъ, изъ военной среды которыхъ черпались владыки и истребители контръ-революціи, заключавшей въ своемъ понятіи все, идущее въ разрѣзъ съ психологіей этихъ полу-людей, вооруженныхъ винтовкой, включительно до лидера мѣстнаго большевизма Пономарева и зарубленнаго въ Ставропольской тюрьмѣ красноармейцами ихъ главковерха Сорокина.

А за скрытыми въ «малой коллегіи» ширмами сидѣлъ и нажималъ кнопки таинственный Коппэ-отецъ, подъ псевдонимомъ котораго, какъ утверждали, скрывался жандармскій ротмистръ, не въ мѣру, даже по прежнимъ временамъ, поусердствовавшій при подавленіи крестьянскихъ беспорядковъ**.

* См. книгу Троцкаго «Терроризмъ и Коммунизмъ».

** Лѣтомъ 1918 года Коппэ-отецъ былъ захваченъ и казненъ добровольцами въ Кисловодскѣ. Интересно отмѣтить, что однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Коппэ былъ, впоследствии казненный въ Ростовѣ, молодой Ставропольскій юристъ Н. И. Л-дзе, близкій знакомый еще со студенческихъ лѣтъ жандармскаго подполковника А. А. Бруна и любимецъ директора гимназіи И. А. Виноградова, давшій толчекъ къ всышкѣ такъ называемой «Виноградов-

Какъ боролись эти многочисленные комиссары и эмиссары съ «контръ-революціей» я уже рассказывалъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ они управляли.

На февральскомъ сѣздѣ совѣтовъ эмиссаръ Медвѣженскаго уѣзда, незадолго до переворота, попавшій подъ судъ за растрату общественныхъ суммъ, докладывалъ сѣзду о результатахъ объѣзда «вѣренной ему» территоріи.

— Ну и посмотрѣлся-же я, товарищи, въ уѣздѣ всякаго пиралитическаго* гада: тутъ тебѣ и пошы, и почтаря, и дохтура, и фершалы, и учителя, и слѣдователи. Конечно, я принялъ соотвѣтственныя мѣры...

Каковы были эти «соотвѣтственныя мѣры» — едва ли необходимо расшифровывать.

Въ одномъ изъ городскихъ лазаретовъ комиссару при обходѣ барака брюшно-тифозныхъ была заявлена жалоба, что больничный персоналъ моритъ выздоравливающихъ красноармейцевъ голодомъ. Комиссаръ вызвалъ старшаго врача, накричалъ на него и предписалъ персоналу кормить больныхъ красноармейцевъ «до отказа». — Но вѣдь это брюшно-тифозные, — пробовалъ возразить врачъ.

— Молчать, — оборвалъ его комиссаръ, — сами понимаемъ!

И затѣмъ упорно добивался исполненія его предписанія, пока смертность среди брюшно-тифозныхъ красноармейцевъ не дошла до высшаго предѣла.

Я указывалъ выше, что въ губерніи было погублено около 500,000 штукъ тонкорунныхъ овецъ. Произошло это въ слѣдующей обстановкѣ.

Послѣ націонализаціи частно-владѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ, тонкорунныя овцы были соединены въ одну общую массу, а затѣмъ двумя, почти количественно равными, отарами отправлены для выпаса въ Удѣльную и Старо-Зармунтинскую степи. Ветеринарный персоналъ тщетно указывалъ на опасность соединенія тонкорунной овцы въ такія огромныя массы при невыносимости ея, подверженности эпидемическимъ заболѣваніямъ, нестойкости при отсутствіи корма, воды и соли

Всѣ эти указанія были признаны старорежимнымъ предрасудкомъ и пролетаризированные мериносы были принесены въ жертву тому «основному большевистскому предрасудку», о которомъ Троцкій говоритъ въ выпущенной имъ книгѣ «Терроризмъ и коммунизмъ».

ской исторіи». Исторія эта вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1910 или 1911 году на Холодномъ Родникѣ, во время товарищеской пирушки, наканунѣ выдачи аттестатовъ, между выпускными и ихъ одноклассниками, подозрѣваемыми въ наушничествѣ передъ Виноградовымъ, произошла рукопашная стычка. Въ числѣ пострадавшихъ былъ Н. І. М-дзѣ. Директоръ Виноградовъ, узнавъ объ этомъ, объявилъ выпускному отдѣленію, что аттестаты не будутъ вручены окончившимъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ товарищами выданы виновники стычки. Выпускные предложеніе это отклонили, указавъ, что обиженнымъ принадлежитъ право привлечь обидчиковъ къ судебной отвѣтственности. Тогда директоромъ былъ возбужденъ вопросъ о лишеніи аттестатовъ всего выпускного отдѣленія. У разнервничавшейся молодежи возникла мысль о цѣлой очереди самоубійствъ по жребію. Охватившая мѣстное общество тревога перекинулась въ печать, затѣмъ былъ присланъ для разслѣдованія этого эпизода членъ совѣта министра нар. просвѣщ. г. Спѣшковъ, получившій исчерпывающій матеріалъ объ антипедагогическихъ пріемахъ директора Виноградова, въ основу которыхъ былъ положенъ культъ шпіонажа среди учащихся. Вскорѣ послѣ этого аттестаты были выданы, а г. Виноградовъ былъ переведенъ въ другую гимназію.

По поступленіи въ университетъ Н. І. М-дзѣ сдѣлался виднымъ членомъ крайнихъ правыхъ студенческихъ организацій, а послѣ захвата большевиками власти въ Ставрополѣ сотрудникомъ Коппа въ таинственной малой коллегіи. Арестованъ онъ былъ офицерами въ Ставрополѣ, куда прибылъ добровольно по совѣту ген. Уварова, и затѣмъ казненъ въ Ростовѣ по приговору военнаго суда.

* Надобно понимать, повидимому, «империалистическаго».

Александровскій уѣздный комиссаръ юстиціи Гамаюнъ, перемѣщенный затѣмъ въ губернскіе комиссары, въ докладѣ своемъ исполнительному комитету не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ, чтобы охарактеризовать положеніе юстиціи въ уѣздѣ. Народные судьи, по наблюденію комиссара, — не только не обладаютъ самыми упрощенными навыками къ судебному дѣлу, но просто безграмотны, безтолковы и, увы, не всегда чисты на руку. Совѣтскій неписанный кодексъ «революціоннаго правосознанія», преломляясь въ такой судейской атмосферѣ, можетъ, пожалуй, дать, — меланхолически заключаешь докладчикъ, — «контръ-революціонное правосознаніе» въ населеніи...

Между совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, губернскимъ исполнительнымъ комитетомъ и таинственной «малой коллегіей» шли непрерывныя тренія, приводившія то къ аресту матросовъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, то къ аресту матросами председателя этого совѣта Пономарева.

Уѣздные комитеты и совѣты, руководствуясь мѣстнымъ «революціоннымъ правосознаніемъ», не считались съ распоряженіями губернскаго центра и еще менѣе съ «мѣшкомъ декретовъ», по образному выраженію комиссара юстиціи, привезеннымъ изъ Москвы.

Волостные совѣты, въ большинствѣ случаевъ, только перелицовавшіе вывѣску волостного земства, еще менѣе считались съ распоряженіями центровъ, промежуточныхъ между волостью и «Коминтерномъ». Наиболѣе безпокойныхъ, а иногда и просто порочныхъ, односельчанъ они «ссылали» въ уѣздные или губернскіе совѣты, осуществляя, такимъ образомъ, отмѣненное бывшее право крестьянскаго міра удалять изъ своей среды сочленовъ за порочное поведеніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ, въ Свято-Крестовскомъ уѣздѣ, волостные совѣты вступали съ комиссарами въ вооруженныя стычки, организовывали дружины самообороны и поддерживали засѣвшихъ въ Прикумскихъ лагунахъ «камышанниковъ».

Изъ сель, болѣе близко расположенныхъ къ Добровольческому фронту, посылали къ генералу Деникину ходоконъ узнать, скоро ли придетъ освобожденіе отъ совѣтской напасти. Послѣ Лежанки и Горькой Балки ходоки эти приносили не всегда добрыя вѣсти.

XVII.

Тихое пристанище. Розыски красноармейцами. Разказы крестьянъ. Сумерки бѣглецовъ. Неожиданное появленіе партизанъ А. Г. Шкуро. Казнь комиссара Петрова. Ультиматумъ краснымъ. «Орудійный обстрѣлъ». «Видимо-невидимо». «Тихій ангелъ». Комиссары подъ вуалью. Телеграмма ген. Уварова. «Не кажите акцизникамъ».

Послѣ моего бѣгства, въ двадцатыхъ числахъ іюня, изъ Ставрополя я поселился въ уединенномъ хуторкѣ, расположенномъ, близъ большого села, на возвышенности, открывающей видъ на долину р. Калауса и холмистые подступы къ Ставрополю.

Хозяинъ хутора уступилъ мнѣ свою хибарку, уединенно расположенную въ саду, съ ложемъ изъ плетенаго ивняка и какимъ то одуряющимъ сладкимъ запахомъ внутри ея.

На мой вопросъ, откуда этотъ запахъ, простодушная жена хозяина доверчиво мнѣ объяснила, что запахъ этотъ отъ хранящагося подъ плетенкой самогоннаго аппарата для выкуриванія спирта изъ тутовыхъ ягодъ.

И, уже сообщивъ это, пугливо оглянулась по сторонамъ и попросила «ни казать про то слѣдователю, да и акцизникамъ». Въ дальнѣйшемъ ея мужъ продемонстрировалъ предо мною и этотъ аппаратъ въ работѣ, давъ потомъ отвѣдать отвратительно сладкой тутовой самогонки, не подозревая, что онъ дѣлаетъ участникомъ своего преступленія прокурора, черезъ руки котораго прошло не одно утвержденіе обвинительныхъ актовъ по дѣламъ объ акцизныхъ нарушеніяхъ.

Провѣдавъ какими то путями о моемъ пріѣздѣ, меня навѣщали украдкой знакомые крестьяне изъ лежащаго внизу села, принося съ собою доходившія до нихъ вѣсти о положеніи въ Ставрополѣ, и приводя иногда съ собою только что прибывшихъ изъ Ставрополя бѣглецовъ, соблюдая при этомъ возможную конспирацію.

Эти мѣры предосторожности, какъ выяснилось вскорѣ, были далеко не излишними. Только случай спасъ меня отъ руки красноармейцевъ, разыскивавшихъ меня въ поселкѣ на берегу озера, куда я часто ходилъ купаться. Красноармейцы ворвались къ судѣ, у котораго я былъ незадолго передъ этимъ, арестовали его, но потомъ освободили, убѣдившись, что подъ его фамиліей и наружностью не скрываюсь я, котораго они искали для расправы.

Посѣщая меня, крестьяне рассказывали о тяготахъ ихъ жизни послѣ водворенія въ губерніи фронтовиковъ. Стали бытовымъ явленіемъ случаи безмысленнаго надругательства надъ тѣмъ, что крестьянскому сердцу было свято. Шла безмысленная револьверная и ружейная пальба по иконамъ. Былъ случай матерубійства разрывной пулей изъ за пустяшной ссоры. На сходахъ отъ вернувшихся солдатъ старикамъ житья не было. Запасы и инвентарь разбазаривались пришельцами съ фронта для пьяной гульбы, сады и земля отбирались у отцовъ сынами-солдатами, хозяйство губилось...

Волостной совѣтъ, въ составъ котораго вошла почти цѣликомъ волостная управа, умудрялся пока еще держаться на поверхности, саботируя распоряженія краснаго начальства подъ видомъ тщательнаго обсужденія ихъ, но метаніе изъ города въ село комиссаровъ, ихъ автомобили и экстренные поѣзда наводили моихъ собеседниковъ на мысли, что въ городѣ началась агонія большевизма, и вызывали опасеніе, какъ бы въ послѣдней судорогѣ убѣгающей валь его не натворилъ большихъ бѣдъ.

Волна новыхъ бѣглецовъ принесла вѣсть о вспыхнувшемъ въ Ставрополѣ и быстро подавленномъ офицерскомъ возстаніи, объ обстрѣлѣ красноармейцами частныхъ квартиръ, объ усилившемся террорѣ, сквозь бѣшеную гримасу котораго чувствовался испугъ передъ призракомъ приближающагося возмездія.

Число бѣглецовъ изъ мѣстъ, гдѣ особенно свирѣпствовалъ терроръ, все возрастало. Они ютились по садамъ и хуторамъ, обильно разбросаннымъ по балкамъ и склонамъ горы. Не показываясь днемъ, они выходили изъ своего убѣжища при наступленіи темноты и занимали наблюдательные пункты, откуда стремились ихъ взоры къ роднымъ угламъ.

Особенно часто у «Четырехъ братьевъ», — вытянутыхъ въ струнку тополей, двигались далеко за полночь огоньки папирозъ и порой слышалось грустное, придавленное пѣніе молодежи.

Изъ моего уединеннаго пристанища, круто расположеннаго среди зелени садовъ, въ прорывѣ готическихъ тополей, видна была лента желѣзной дороги, конечная станція ея на отлетѣ села и широкій пыльный трактъ, взбирающійся по холмамъ къ Ставрополю.

Снизу отчетливо доносился, то замирая, то выростая, шумъ двигающихся поѣздовъ, рожки и сирены пролетающихъ автомобилей. По вечерамъ, когда я и мои

гости снизу взбирались, точно призраки, на вершину возвышенности, за линіей холмовъ вставало далекое море городскихъ огней и долетали далекіе — быть можетъ, и оттуда — шорохи и шумн. Настороженной, измученной душѣ такъ хотѣлось разгадать ихъ причину и значеніе.

Въ первыхъ числахъ іюля краснымъ начальствомъ было предъявлено къ населенію срочное требованіе произвести пополненіе арміи и представить коней, довольствіе и фуражъ. Требованіе это было вынесено для обсужденія на сходы и митинги, одно село сносилось съ другимъ, отлынивая и торгуясь съ насѣдавшимъ начальствомъ, начальство присылало новые декреты и новыхъ гонцовъ, переходило отъ уговоровъ къ угрозамъ, пугало карательными отрядами и трибуналомъ.

Но пока тянулся этотъ торгъ, случилось нѣчто неожиданное.

Продвигаясь съ своимъ отрядомъ на соединеніе съ Добровольцами полковникъ Шкуро перерѣзалъ линію желѣзной дороги Ставрополь-Петровское, внезапно появился въ селѣ Кугульта и, захвативъ тамъ прибывшаго изъ города военнаго комиссара Петрова, повѣсилъ его у волостного правленія, а затѣмъ тѣло казненнаго комиссара приказалъ отправить въ Ставрополь съ запиской, что та же участь въ ближайшее время ожидаетъ и весь Ставропольскій совнаркомъ.

Внезапное появленіе подъ городомъ Шкуро, молва о партизанскихъ набѣгахъ котораго на Кисловодскъ и прилегающую территорію создавала ему легендарную славу въ населеніи, произвело исключительный переполохъ въ Ставрополѣ среди красныхъ.

Дня черезъ два, войдя въ соприкосновеніе съ добровольцами, Шкуро предъявилъ по телеграфу совѣтской власти ультиматумъ въ теченіе 48 часовъ сдать Ставрополь его арміи, иначе онъ приступитъ къ артиллерійскому обстрѣлу города.

Ультиматумъ этотъ былъ присланъ изъ села Донскаго, отстоящаго въ верстахъ 30 отъ Ставрополя.

Хотя наличность партизанскаго артиллерійскаго парка, къ тому времени, какъ рассказывалъ потомъ самъ Шкуро, не превышала двухъ негодныхъ къ стрѣльбѣ декоративныхъ орудій и поэтому «артиллерійскій обстрѣлъ» большого огорченія красному Ставрополю не причинилъ бы, красные поторопились очистить городъ до истеченія объявленнаго имъ срока, забивъ дороги бѣгущими изъ города частями, бросавшими оружіе и припасы и отдававшимися въ плѣнъ разоружавшему ихъ населенію.

У выѣзда изъ города группа мѣщанъ преградила путь автомобилю, везшему заплечнаго мастера Юнкерскаго сада Ашихина, обезоружила его и, арестовавъ, доставила въ тюрьму.

Этотъ и другіе случаи задержанія населеніемъ комиссаровъ побудили нѣкоторыхъ изъ нихъ броситься, минуя окраины города, не по Невинномысскому шоссе, вдоль котораго отступала Красная армія, а на Петровское и Александровское, чтобы пробиваться далѣе вглубь губерніи и на территорію Минеральныхъ водъ.

Слухи о проходѣ партизанскаго отряда Шкуро, съ необычайной быстротой облетѣвъ ближайшія села, перекинулись дальше въ губернію и очень скоро достигли и нашего убѣжища.

Количество партизанскихъ войскъ отряда сильно преувеличивалось очевидцами.

— Видимо-невидимо, — утверждали крестьяне, многозначительно при этомъ добавляя: «Не грабить! За все платить квитками! Пролетѣлъ, точно тихій ангелъ.»*

* Слѣдуетъ оговориться, что репутацію «тихаго ангела» полковникъ А. Г. Шкуро сохранилъ лишь до производства въ генеральскій чинъ. Поздѣйшее поведеніе его партизанъ повредило столько же Красной, сколько, если не болѣе, Добровольческой арміи.

Прибывшіе на другое утро изъ Кугульты крестьяне рассказали о казни военнаго комиссара Петрова, а дня черезъ два надъ колесными дорогами, ведущими изъ Ставрополя, стояла пыль столбомъ отъ комиссарскихъ автомобилей.

Часть пассажировъ была въ женскихъ костюмахъ, съ замаскированными вуалями и бинтами лицами, но густопсовые выкрики этихъ завуалированныхъ дамъ выдавали ихъ сочный мужской темпераментъ, сильно взвинченный напитками и испугомъ.

Еще не разсѣялась по дорогамъ пыль отъ этого шумнаго марша, какъ въ селахъ губерніи было получено за подписью генерала Уварова циркулярное распоряженіе о низверженіи комиссаровъ и совдеповъ и о возстановленіи прежняго волостнаго управленія.

Черезъ день я покинулъ свое убѣжище и прибылъ въ Ставрополь.

При отъѣздѣ, указавъ на вопросъ моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, мой служебный прокурорскій адресъ, я несказанно смутилъ ихъ и вызвалъ испуганную реплику старушки-хозяйки:

— Не кажите же про самогонку, ваше добродіе, акцизникамъ, да и слѣдователю...

XVIII.

Приѣздъ ген. Уварова. Обстрѣлъ города красными. Красный командиръ Шпакъ. Вскрытіе могилъ въ Юнкерскомъ саду и погребеніе жертвъ. Орудійный салютъ большевиковъ. Послѣднія жертвы изъ села Татарки.

«Артиллерійскій обстрѣлъ» Ставрополя не состоялся. Передъ вечеромъ, въ день истеченія срока, объявленнаго А. Г. Шкуро краснымъ для очищенія города, въ Ставрополь влетѣлъ автомобиль, заполненный добровольцами въ погонахъ и боевыхъ знакахъ отличія, восторженно встрѣченный населеніемъ.

Вышедшій изъ автомобиля ген. Уваровъ привезъ съ собою приказъ о назначеніи его временнымъ Ставропольскимъ генераль-губернаторомъ и сейчасъ же объявилъ о мобилизаціи офицеровъ и классовыхъ чиновъ военнаго времени.

На призывъ генерала послѣдовалъ незамедлительный откликъ и не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ улицы города застрѣли новенькими, Богъ вѣсть какимъ образомъ уцѣлѣвшими послѣ повальныхъ обысковъ, а иногда и самодѣльными, погонами офицерскихъ и классовыхъ чиновъ.

Генераль приказалъ занять офицерскими патрулями банки и всѣ денежныя хранилища и организовать воинскія части и гражданскія дружины.

Въ тотъ вечеръ, 9 іюля 1918 года, это были почти всѣ вооруженныя силы города Ставрополя, находившіяся притомъ въ стадіи организаціи; позднѣе подтянулись кавалерійскія части добровольцевъ и шкуринцевъ, прибылъ полковникъ Слащевъ и началась длительная оборона Ставрополя, вплоть до 14 октября, когда городъ былъ внезапно оставленъ добровольческими частями.

Автомобиль ген. Уварова лишь немногимъ опередилъ А. Г. Шкуро; когда послѣдній прибылъ въ Ставрополь, онъ былъ поставленъ передъ фактомъ уже имѣющагося въ Ставрополѣ генераль-губернатора и охраны всѣхъ денежныхъ хранилищъ...

Красный штабъ, получившій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, обороняющихъ Ставрополь, готовя общую атаку съ восточныхъ подступовъ, обстрѣливалъ городъ шрапнельнымъ огнемъ. Этому огню методически отвѣчало съ тюремной горы добровольческое орудіе.

Командующій Ставропольскимъ краснымъ фронтомъ, Шпакъ, самъ руководилъ обстрѣломъ, поставивъ легкія орудія на грузовики и дерзко заскакивая почти въ черту города.

Временный генераль-губернаторъ пока не распаковывался и не переѣзжалъ изъ гостиницы въ губернаторскій домъ, принимая подвѣдомственныхъ ему чиновъ въ походной формѣ. Жизнь же горжанъ, — такъ глубока была ихъ вѣра въ мощь Добровольческой арміи, — спокойно и мирно текла подъ этотъ орудійный обстрѣлъ и дерзкіе налеты Шпака, пока онъ не былъ подкарауленъ и зарубленъ казачьей засадой.

Въ ближайшіе дни, по очищеніи города отъ красныхъ, было произведено вскрытіе могилъ погибшихъ отъ краснаго террора и всенародное погребеніе ихъ въ трехъ-ярусной братской могилѣ въ оградѣ Андреевскаго собора.

Въ утро этого дня толпы народа хлынули по улицамъ къ оградѣ Юнкерскаго сада, гдѣ судебные чины и врачи, подъ общимъ руководствомъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, извлекали изъ земли трупы казненныхъ и предъявляли ихъ къ опознанію родственникамъ.

Наиболѣе крѣпкіе нервами горожане и родственники казненныхъ помогали имъ, соединяя часто разрозненныя части тѣла, собирая по всему саду обрубленныя кисти рукъ, части череповъ и пальцы.

Извлеченныя тѣла тутъ же укладывали въ гробы подъ раздирающіе крики опознавшихъ жертвы близкихъ.

Внутрь ограды прибыло духовенство всѣхъ исповѣданій христіанскихъ и нехристіанскихъ, чтобы сотворить послѣднія молитвы надъ многочисленными мучениками этой мѣстной Голгофы.

Гробы были поставлены широкимъ квадратомъ съ оставленнымъ въ центрѣ мѣстомъ для духовенства, администраціи и городского представительства.

Начиная слова заупокойной молитвы, епископъ Михаилъ зарыдалъ, облокотившись на пастырскій посохъ. Этому пастырскому рыданію отвѣтилъ плачь толпы и обмороки женщинъ, увидѣвшихъ близкихъ не только мученически погибшими, но и въ разрушеніи и тлѣнѣ земной оболочки.

Длиннымъ кортежемъ двинулась вереница гробовъ въ сопровожденіи войскъ и толпъ народа къ обширной братской могилѣ, вырытой рядомъ съ могилой героини — Ставропольки Риммы Ивановой*, подъ звуки траурнаго марша и всенароднаго пѣнія молитвъ.

Къ Варваринскому кладбищу въ это же почти время направлялась менѣе многолюдная погребальная процессія съ тѣлами организатора офицерскаго возстанія Петра Федоровича Ртищева и его брата Павла Федоровича, казненныхъ большевиками въ одинъ день на Ярмарочной площади; на армянское, еврейское и мусульманское кладбища шли отдѣльныя траурныя процессіи съ гробами погибшихъ отъ руки большевизма единовѣрцевъ.

При погребеніи присутствовалъ поддерживаемый подъ руки съ забинтованной шеей и головой офицеръ Н., извлеченный тюремной администраціей въ день офицерскаго возстанія изъ подъ груды зарубленныхъ офицеровъ съ признаками жизни и затѣмъ спрятанный въ женскомъ отдѣленіи тюремной больницы.

Пока протекали часы этой общегородской скорби и исключительно тяжелыхъ страданій многихъ сотенъ родственниковъ погибшихъ, надъ городомъ рвались шрап-

---

* Сестры милосердія, награжденной знаками офицерскаго Георгія, героически погибшей со знаменемъ впереди войскъ на германскомъ фронтѣ.

нели и за Мамайским лѣсомъ ухали орудія виновниковъ этой скорби, какъ бы мстя живымъ за ихъ запоздалое воздаяніе почестей погибшимъ жертвамъ.

Когда уже чинъ погребенія подходилъ къ концу и войска готовились дать заключительный салютъ, къ мѣсту погребенія слѣшно прибылъ грузовикъ, привезшій изъ подъ Татарки еще около 20 труповъ офицеровъ, выданныхъ мельникомъ большевикамъ и зарубленныхъ тамъ же на мѣстѣ.

Но пройдутъ многіе годы и тогда только, быть можетъ, будетъ подсчитано, сколько жертвъ гражданской войны сложило свои головы вокругъ Ставрополя, у Сенгилеевскаго озера и горы Недреманной.

XIX.

Законодательные экспромпты ген. Уварова. Основные законы. Какіе еще тамъ суды? Попытка окрестить соц.-дем. въ соц.-рев. Мы будемъ праздновать по своему, а вы празднуйте по своему. «Уничтожайте преступниковъ на мѣстѣ». Приемъ крестьянскихъ депутацій. «Маршъ по домамъ!» Наступленіе красныхъ. Подвигъ корниловцевъ.

Въ то время, когда проф. К. Н. Соколовъ выработывалъ «государственно-правовой экспромтъ» для Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи*, ген. Уваровъ производилъ законодательные экспромпты на Ставропольской территоріи, — первой губерніи, принятой подъ правовую охрану Добровольческой арміей.

Очевидцы передавали мнѣ классическую, въ своемъ родѣ, сцену первыхъ законодательныхъ опытовъ Уварова.

По номеру гостиницы нервно шагаль генераль, диктуя въ присутствіи представителей города свои первые приказы.

— Пишите: приказъ номеръ одинъ, точка. Ставропольская губернія управляется на основаніи законовъ Россійской Имперіи, изданныхъ до 27 февраля 1917 года. Приказъ номеръ два, точка. Возстанавливаются суды: волостной, мировой... Какіе еще тамъ суды? — обратился генераль къ офицеру, выстукивающему на машинкѣ.

— Не могу знать, Ваше Превосходительство.

— Можетъ быть, вы знаете, — обратился генераль къ представителямъ.

Одинъ изъ нихъ, юристъ по образованію, и самъ судебный дѣятель по магистратурѣ, подалъ генералу реплику:

— По закону 1912 года не могутъ дѣйствовать, генераль, одновременно суды волостные и мировые, что нибудь одно...

— Ну этихъ тонкостей мнѣ не надо... Я знаю судъ полевой, волостной и мировой, а дальше?

— Окружной, Ваше Превосходительство...

— Да-да, какъ же, чуть не забылъ! Пишите, — обратился генераль къ офицеру..., и военно-окружные... Точка.

— Просто, окружной, Ваше Превосходительство, — перебилъ судейскій чинъ.

— Развѣ есть и такіе? Ну ладно, пишите: и просто окружные, — согласился ген. Уваровъ, — точка.

Таковъ былъ первый щедринскій генераль-губернаторъ, назначенный Добровольческимъ командованіемъ для первой губерніи, передъ населеніемъ которой Добрармія держала свой государственный экзамень.

Дальнѣйшіе «экспромпты» ген. Уварова я уже наблюдалъ самолично.

Вотъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ временъ генераль-губернаторствованія Уварова.

* См. стр. 74 воспоминаній К. Н. Соколова: «Правленіе генерала Деникина», Софія, 1921 г.

Какъ-то по приходѣ моемъ въ прокурорскій кабинетъ мнѣ доложили мой секретарь, что меня просилъ ген. Уваровъ прибыть къ нему.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, — обратился ко мнѣ генераль, когда я вошелъ въ кабинетъ къ нему. — Тутъ издается газета, содержаніе которой мнѣ безразлично, но мнѣ не нравится ея подзаголовокъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Я хочу имъ посовѣтовать, пусть печатають девизъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Это мнѣ больше нравится, а то пахнетъ какимъ-то интернаціоналомъ...

— А причемъ же здѣсь я, Ваше Превосходительство, — спросилъ я.

— Ну вы все таки человекъ мѣстный и знаете мѣстные обычаи...

— Приведенные Вами девизы, генераль, не мѣстные. Первый — «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» — социаль-демократовъ, а «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» — социалистовъ-революціонеровъ... Едва ли социаль-демократы захотятъ воспользоваться, хотя бы и по вашему совѣту, генераль, девизомъ другой партіи. Вотъ все, что я могу доложить Вамъ, а затѣмъ, разрѣшите, генераль, мнѣ отправиться къ исполненію моихъ служебныхъ обязанностей. — Я сдѣлалъ удареніе на словѣ «служебныхъ».

— Пойдите, — остановилъ меня генераль, — я придумалъ! Пусть пишутъ: «пролетаріи всея Руси соединяйтесь!»

На этомъ мы съ генераломъ разстались.

Въ другой разъ мнѣ прислали приказъ ген. Уварова, гдѣ онъ устанавливалъ распisanіе неприсутственныхъ дней, не совпадающее, до двенадцатыхъ праздниковъ включительно, съ таблицей праздниковъ, указанныхъ въ законѣ и дальнѣйшихъ дополненіяхъ. При встрѣчѣ я указалъ на это генералу, сославшись на 24 ст. уст. о предупр. и пресѣченіи, гдѣ помѣщена табель праздниковъ.

— Какой такой уставъ пресѣченія — переспросилъ генераль.

— Онъ напечатанъ въ четырнадцатомъ томѣ свода законовъ.

— Въ четырнадцатомъ томѣ, — удивился генераль, — ну такъ что жъ?

— Судь, — какъ и другіе правительственные органы, есть учрежденіе подзаконное, — связанъ судебными сроками и чины его могутъ понести матеріальную и судебную отвѣтственность за несоблюденіе законовъ.

— Вотъ какъ? Ну тогда вотъ что: вы празднуйте по своему, а мы будемъ праздновать по своему, — согласился генераль.

Такъ мы и «праздновали».

Какъ то разъ я съ удивленіемъ прочелъ приказъ буквально слѣдующаго содержанія: «предписывается всѣмъ чинамъ: преступниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, уничтожать на мѣстѣ, а менѣе виновныхъ — предавать военно-полевому суду». Подписано Уваровымъ.

Воспользовавшись свиданіемъ съ А. И. Деникинымъ, я передалъ ему непосредственно этотъ приказъ.

— Вы меня не мистифицируете? — улыбнулся главнокомандующій. — Я его отмѣню по телеграфу, а Уварова отчислю*.

Тѣмъ не менѣе, ген. Уваровъ продолжалъ пребывать въ Ставрополѣ, перемѣщенный, правда, изъ званія самостоятельнаго помпадуръ на роль помощника полковника Глазенапа, вплоть до внезапной эвакуаціи Ставрополя въ октябрѣ 1918 года. Вѣдать этой эвакуаціей поручено было тому же генералу Уварову.

Случай съ послѣднимъ приказомъ далъ основаніе генералу Уварову и его правой рукѣ, начальнику его штаба, полковнику Яковлеву, называть меня не иначе, какъ «большевикъ Красновъ».

* Бесѣда эта съ ген. Деникинымъ происходила въ присутствіи еще двухъ лицъ.

Въ первые же дни прїѣзда П. В. Глазенапа, 34 лѣтняго гвардейскаго полковника, въ Ставрополь, стали прибывать депутаціи изъ большихъ селъ, прїѣхавшія привѣтствовать высшаго администратора губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ носителя въ глазахъ населенія героическихъ идей Добровольческой арміи.

Повидавшись кое съ кѣмъ изъ депутатовъ, среди которыхъ были почтенные мѣстные люди, съ безупречнымъ служебнымъ и общественнымъ стажемъ, я посоветовалъ П. В. Глазенапу обласкать ихъ, ибо, какъ говорилъ я, это первыя ласточки проявленія крестьянскихъ симпатій къ Добровольческому командованію.

Полковникъ Глазенапъ обѣщалъ переговорить въ этомъ смыслѣ съ ген. Уваровымъ.

Одинъ изъ депутатовъ, бывшій предсѣдатель мирового съѣзда, потомъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ пріемѣ, порученномъ совѣтнику губернскаго правленія Губаревскому.

Выйдя къ депутатамъ, Губаревскій приказалъ прибывшимъ раздѣлиться по уѣздамъ и стать по разнымъ угламъ. Наступила пауза. Молчалъ совѣтникъ, молчали и депутаты, среди которыхъ были и лица съ высшимъ образованіемъ. Одинъ изъ депутатовъ заявилъ о желаніи присутствующихъ ознакомиться съ задачами Добровольческой арміи, чтобы въ свою очередь информировать населеніе, въ частности же населеніе интересуется отношеніемъ власти къ Учредительному Собранію.

— Што-о? — перебилъ Губаревскій, — вы думете, что попали на митингъ? Исполнять приказы и распоряженія начальства — вотъ ваша задача. А теперь маршъ по домамъ и помнить, что карательныхъ отрядовъ у насъ хватитъ на все уѣзды.

Говорилъ это Губаревскій повышеннымъ голосомъ, почти доходящимъ до крика. Ошеломленные депутаты покинули Ставрополь, и я не знаю, прїѣзжали ли потомъ какія-либо крестьянскія депутаціи къ полк. Глазенапу.

Между тѣмъ, красные, оправившись отъ охватившей ихъ паники, возобновили попытки къ захвату Ставрополя.

Наиболѣе угрожающее наступленіе ихъ развернулось 9 августа, когда передовая лавина вторглась на окраины города, и съ возвышенныхъ площадей и улицъ можно было наблюдать невооруженнымъ глазомъ перипетіи уличнаго боя.

Повторяю, велика была вѣра населенія въ мощь и правду Добрарміи и вѣра эта, купленная дорогою цѣною недавнихъ испытаній, позволяла населенію спокойно нести свою повседневную работу, зная, что ихъ защищаетъ Добрармія, и что тамъ на фронтѣ бьется мѣстная молодежь офицерскаго полка.

Но одинъ изъ моментовъ этого боя могъ стать роковымъ. Количественно слабая сила добровольцевъ не выдержали напора неисчислимо превышающаго ихъ противника и изнемогали въ тщетномъ порывѣ сдержать напоръ красныхъ. Минуты здѣсь могли сыграть рѣшающую роль.

Положеніе было спасено появленіемъ въ тылу у красныхъ нѣсколькихъ десятковъ корниловцевъ, вышедшихъ изъ за горы, двигавшихся одинъ за другимъ безъ перебѣжекъ, во весь ростъ, съ винтовками за плечомъ.

Это произвело на красныхъ такую моральную депрессию, что они бросились въ паникѣ отъ города, и добровольческая конница гнала ихъ полчища до селенія Бешпагира.

Здѣсь моральная сила Добрарміи вышла побѣдительницей, но въ сферѣ государственнаго строительства этого моральнаго героизма и даже простого пониманія задачъ и престижа власти добровольческой администраціей на территоріи Ставропольской губерніи пока не проявлялось.

Больше того, административные пріемы ген. Уварова, усовершенствованные на мѣстахъ Уваровыми «les petits» въ лицѣ начальниковъ уѣздовъ, чиновъ контрразвѣдки, государственной стражи и сельскихъ комендантовъ, на первыхъ же

порахъ являли собою совершенно опредѣлившуюся картину разложенія власти. Не надо было быть пророкомъ, чтобы почувствовать и предсказать, къ чему это должно было привести, если разнузданности не будетъ положенъ самый рѣшительный предѣлъ.

Недоброжелатели и враги Добрарміи не замедлили учесть и использовать создавшееся положеніе. Большевики за дорогую плату скупали приказы ген. Уварова и, размножая, выпускали ихъ вторымъ изданіемъ, маленькіе же диктаторы въ уѣздахъ и волостяхъ, по мѣрѣ силъ и способностей, дополняли антидобровольческую агитацію нагляднымъ примѣромъ разнузданности и своеволія.

Въ качествѣ безпокойнаго прокурора, въ очень непродолжительномъ времени я получилъ почетную ссылку въ мѣстный сенатъ и, неся оберъ-прокурорскія обязанности въ высшемъ кассационномъ судѣ, отошелъ на нѣкоторое время отъ самой рѣшительной борьбы съ этимъ явленіемъ.

XX.

Совѣщаніе у генераль-губернатора. Вопросъ объ учрежденіи сената и судебной палаты. Споръ о наименованіи полиціи. Основной статутъ ген. Уварова. Возстановленіе силы узаконеній, изданныхъ и послѣ 27 февраля 1917 г. Передъ пріѣздомъ Главнокомандующаго.

Вскорѣ по пріѣздѣ, полковникъ Глазенапъ созвалъ изъ представителей вѣдомствъ совѣщаніе, обсужденію котораго былъ предложенъ рядъ вопросовъ, въ томъ числѣ объ учрежденіи мѣстнаго сената и палаты и объ организаціи полиціи.

Внося вопросъ о необходимости временной организаціи вышаго кассационнаго суда и палаты, П. В. Глазенапъ указалъ, что Главное Командованіе, желая возстановить въ полной мѣрѣ соблюденіе судебныхъ гарантій для тяжущихся, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ пока невозможнымъ подчинить Ставропольскія судебныя мѣста Донскому сенату и Новочеркасской палатѣ, въ виду ясно опредѣлившейся германской оріентаціи Донского Правительства съ атаманомъ Красновымъ во главѣ.

Возраженіе нѣкоторыхъ изъ судебныхъ дѣятелей, что судебныя мѣста стоятъ внѣ политики и поэтому та или иная оріентація правительства для нихъ значенія имѣть не можетъ, успѣха не имѣла, и Ставропольскому окружному суду было поручено П. В. Глазенапомъ выработать проектъ организаціи кассационнаго и апелляціоннаго судовъ для представленія на утвержденіе Главнокомандующаго.

Выработанный общимъ собраніемъ окружнаго суда проектъ учрежденія этихъ судебныхъ мѣстъ въ непродолжительномъ времени былъ утвержденъ Главнокомандующимъ.

По этому проекту изъ состава окружнаго суда былъ выдѣленъ минимальный составъ въ кассационный и апелляціонный суды, съ возложеніемъ на первый компетенціи кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія сената, а на апелляціонный — основныхъ функцій палаты. Къ присутствію въ кассационномъ судѣ были назначены членъ суда М. Е. Семеновъ, старѣйшій членъ присяжной адвокатуры Г. Н. Прозрителевъ и тов. предсѣдателя окр. суда Н. Т. Шавровъ съ возложеніемъ на него обязанностей первоприсутствующаго. Несеніе прокурорскихъ обязанностей было возложено на меня.

Въ составъ апелляціоннаго суда вошли: предсѣдательствующимъ — членъ суда К. П. Орель, члены суда А. Е. Скрипчинскій и К. Н. Кокаевъ съ и. о. прокурора В. Г. Бутовичемъ.

Дѣйствовали эти суды около полугода, а затѣмъ были упразднены и возстановлена прежняя подчиненность Новочеркасской судебной палатѣ, какъ апелляціонной инстанціи, кассационной же инстанціей являлся отнынѣ, по соглашенію Главнаго Командованія съ Донскимъ атаманомъ, созданный на Дону сенатъ.

Возвращаюсь къ Ставропольскому совѣщанію. Наиболѣе босвымъ на совѣщаніи оказался вопросъ объ организаціи милиціи. Споръ возгорѣлся, главнымъ образомъ, вокругъ названія, которое должно быть присвоено этому институту.

Далъ такое направленіе спору все тотъ же ген. Уваровъ, выступившій съ рѣзкой критикой не самаго положенія о милиціи Врем. Правительства, а замѣны названія полиціи — милиціей, что могли невѣжественно допустить, по словамъ Уварова, только «глубоко штатскіе люди».

Продолжая мысль ген. Уварова, врачебный инспекторъ Абрамовъ привелъ въ качествѣ *ultima ratio* окончательно убѣждающаго въ необходимости сохраненія прежнихъ терминовъ: «полиція, городской, приставъ, и полицеймейстеръ» слѣдующій эпизодъ, рассказанный ему полк. Глазенапомъ.

Въ одномъ изъ петербургскихъ кафе-шантановъ среди номеровъ этуалей неожиданно выступилъ городской, просвистѣлъ въ свистокъ и скрылся. Номеръ этотъ имѣлъ исключительно шумный успѣхъ у публики и, какъ утверждалъ врачебный инспекторъ, эпизодъ этотъ воочию вскрылъ, какъ «Россія тоскуетъ по прежнему милому городскому».

Эта справка изъ кафешантаннхъ наблюденій Ставропольскаго генераль-губернатора все же недостаточно убѣдила совѣщаніе въ томъ, что и Ставропольская губернія раздѣляетъ тоску «Россіи» о городскомъ, и организуемому институту охраны предположено было дать названіе «государственной стражи».

Впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ новаго «Положенія» дѣйствовали этотъ институтъ примѣнительно къ прежнему положенію Вр. Правительства о милиціи, за исключеніемъ подчиненія стражи органамъ общественнаго управленія, что, конечно, было совершенно естественно для того исключительнаго времени.

Нѣкоторыми изъ участниковъ совѣщанія предполагалось поднять вопросъ о приказѣ ген. Уварова, возвращавшемъ Ставропольскую губернію однимъ взмахомъ пера вспяты къ порядку, существовавшему до 27 февраля 1917 года, съ упраздненіемъ всѣхъ изданныхъ послѣ этой даты актовъ узаконеній, до акта отреченія государя включительно*. Подобно Иисусу Навину, генераль приказалъ солнцу остановиться надъ Галаономъ, а лунѣ надъ долиною Аіалонскою, пока генераль не истребитъ всего, связаннаго съ ненавистнымъ именемъ послѣ-февральскаго «Аморрейскаго» правительства.

Приказъ этотъ, не говоря уже о томъ, что на изданіе такихъ основныхъ статутовъ ген. Уваровъ надлежаще не былъ уполномоченъ, вносилъ невѣроятную путаницу въ дѣйствія правительственныхъ учрежденій и, рано или поздно, нуждался въ отмѣнѣ Главнымъ командованіемъ.

* Приказъ этотъ, въ числѣ другихъ, упразднялъ слѣдующія узаконенія: о мѣстномъ судѣ отъ 4 мая 1917 г., объ уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ — отъ 11 апрѣля, о судахъ по административнымъ дѣламъ — отъ 30 мая, о судебной регистраціи обществъ и союзовъ, объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій — отъ 20 марта, законы 7 и 29 сентября объ измѣненіяхъ въ городскомъ положеніи, отъ 9 іюля — о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, отъ 21 мая — о волостномъ земствѣ, о печати — отъ 27 апрѣля, о поселковомъ управленіи, о введеніи земскихъ учреждений на инородческой территоріи и т. д. Кромѣ того приказъ ген. Уварова возвращалъ ко всѣмъ надстройкамъ, произведеннымъ надъ Судебными уставами 1864 г., упразднялъ новую редакцію ряда статей уголовного кодекса, возстановливалъ сословные суды особыхъ присутствій, отмѣнялъ мораторіи по векселямъ и на предъявленіе исковъ и проч.

Но послѣ справки увеселительнаго характера о тоскѣ Россіи по городскому иниціаторы предположенія раздумали ставить этотъ вопросъ на генераль-губернаторскомъ совѣщаніи.

Доклады о возстановленіи дѣйствія ряда узаконеній, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ, были представлены предсѣдателемъ окружнаго суда и делегаціей городской думы непосредственно генералу Деникину, и главнокомандующимъ былъ изданъ особый приказъ о силѣ этихъ узаконеній.

Ген. Уваровъ, хотя послѣ назначенія П. В. Глазенапа, и былъ лишенъ права самостоятельнаго помпадурства, тѣмъ не менѣе ухитрился, на время выѣздовъ губернатора изъ Ставрополя, развивать свою административную энергію.

Такъ, уже будучи помощникомъ губернатора, онъ успѣлъ, за время отсутствія полк. Глазенапа, издать приказъ, о которомъ я упоминалъ, на имя всѣхъ должностныхъ лицъ «объ уничтоженіи преступниковъ на мѣстѣ преступленія и о предааніи менѣе виновныхъ военно-полевому суду».

Передъ самымъ пріѣздомъ въ Ставрополь ген. Деникина, когда предполагалось чествованіе Главнокомандующаго городской думой in сокрое, онъ заарестовалъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ гласныхъ, задержалъ до ночи оповѣщеніе городского самоуправления объ ожидающемся утромъ прибытіи, а на обѣдъ, которымъ губернаторъ чествовалъ Главнокомандующаго, позабылъ пригласить предсѣдателя губернской земской управы, А. М. Кухтина, но зато не забылъ пригласить того самаго Левицкаго, который вмѣстѣ съ пьяными матросами игралъ отходную заключеннымъ большевиками въ Ставропольской тюрьмѣ заложникамъ буржуазіи.

Словомъ, старался по мѣрѣ силъ и способностей, пока, наконецъ, не былъ отчисленъ въ резервъ чиновъ Добровольческой арміи.

XXI.

Пріѣздъ ген. А. И. Деникина. «Начальнику сыскаго отдѣленія и . . . предсѣдателю думы». Привѣтствія на вокзалѣ и на Соборной площади. Обѣдъ въ губернаторскомъ домѣ. Рѣчь генерала Деникина. Выступленіе сотрудника ген. Уварова. Поѣздка городской делегаціи въ Екатеринодаръ.

Осенью 1918 года состоялся пріѣздъ въ Ставрополь Командующаго Добровольческой арміей, ген. А. И. Деникина.

Губернаторъ П. В. Глазенапъ, сообщивъ о желаніи генерала Деникина посѣтить Ставрополь, просилъ намѣтить программу встрѣчи съ тѣмъ, чтобы онъ могъ своевременно доложить командующему.

Программа эта была выработана небольшою комиссіей и передана П. В. Глазенапу, причемъ представители городского самоуправления въ виду того, что предполагалось чествованіе ген. А. И. Деникина раутомъ отъ Городской Думы, просили увѣдомить ихъ о пріѣздѣ Командующаго Арміей, по возможности, хоть за день до пріѣзда, или же, если такое увѣдомленіе по какимъ либо соображеніямъ будетъ признано неудобнымъ*, опредѣлить пріѣздъ не въ праздничный день, въ виду трудности собрать учащихя и широко оповѣстить населеніе.

П. В. Глазенапъ отбылъ къ Командующему.

Въ субботу, днемъ, была получена ген. Уваровымъ телеграмма о прибытіи Командующаго въ воскресенье, въ 9 часовъ утра. Доставлено было это увѣдомленіе въ городскую управу около 9 часовъ вечера. Офицеръ, которому поручено было

* Имѣлись въ виду продолжающіяся попытки красныхъ къ наступленію.

размножить и разослать текстъ оповѣщенія, передавалъ мнѣ, почему произошло такое замедленіе.

Въ сущности, текстъ оповѣщенія состоялъ всего изъ нѣсколькихъ словъ: «сообщается для свѣдѣнія, что Командующій арміей прибываетъ въ Ставрополь въ воскресенье, такого то числа, въ 9 часовъ утра». Впереди же шелъ длинный, занимающій почти листъ, перечень лицъ и учреждений, кому это должно быть сообщено.

Когда оповѣщеніе было изготовлено, начальникъ губернаторскаго штаба, полковникъ Яковлевъ, раздраженно указалъ офицеру, что, по мнѣнію ген. Уварова, председатель городской думы помѣщенъ не въ надлежащемъ порядковомъ рангѣ.

— Потрудитесь поставить его въ самомъ хвостѣ, «съ союзомъ»: ...«начальнику сыскаго отдѣленія и — председателю думы».

Вмѣсто забракованнаго, было изготовлено новое оповѣщеніе и разсылалось оно въ порядкѣ расположенія адресатовъ, почему и дошло до председателя думы послѣднимъ, ибо онъ, по указанію ген. Уварова и полк. Яковлева, въ ряду другихъ учреждений и лицъ долженъ занимать самое послѣднее мѣсто — «съ союзомъ».

Эта задержка лишила городское самоуправленіе возможности выполнить программу чествованія ген. Деникина полностью, какъ она была намѣчена, и рауть въ городской думѣ не могъ состояться*, тѣмъ болѣе, что за время отсутствія изъ города губернатора его контръ-развѣдкой были арестованы нѣкоторые изъ гласныхъ думы, въ томъ числѣ членъ Учредительнаго Собранія Е. А. Дементѣевъ. Арестованы они были безъ всякихъ основаній и послѣ усиленныхъ хлопотъ были освобождены наканунѣ пріѣзда ген. Деникина.

Послѣ поднесенія городскимъ головой хлѣба-соли отъ имени городского общественнаго управленія, ген. Деникинъ отбылъ въ кафедральный соборъ.

Пока шло богослуженіе, на Соборной площади расположились съ цвѣтами и гирляндами зелени учащіеся, а у паперти собора многочисленныя депутаціи, развившія желаніе привѣтствовать вождя Добровольческой арміи.

При выходѣ ген. Деникина изъ собора къ нему обратились съ рѣчами епископъ Михаилъ, я — какъ председатель думы, председатель суда — П. А. Бурменскій, А. М. Воскресенскій — отъ мѣстной газеты, К. Г. Александровъ — отъ торгово-промышленной группы — и рядъ другихъ представителей населенія.

Трогательна была рѣчь малютки-ученицы**, привѣтствовавшей генерала отъ имени учащейся молодежи, какъ «защитника справедливости и правды Божьей» и поднесшей генералу вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Ген. Деникинъ поднялъ и расцѣловалъ малютку и отбылъ къ войскамъ среди толпы молодежи, устилавшей ему путь гирляндами, забрасывавшей его цвѣтами.

Днемъ, въ залѣ губернаторскаго дома, состоялось представленіе ген. Деникину чиновъ и представителей различныхъ учреждений и вѣдомствъ, приглашенныхъ затѣмъ къ участию въ обѣдѣ въ честь Командующаго арміей.

На обѣдѣ этомъ А. И. Деникинъ произнесъ рѣчь, какъ обычно, сильную и яркую, закончивъ ее словами***:

— Настанетъ часъ, когда большія и малыя рѣки сольются въ великомъ морѣ, имя которому — Россія, и армія явитъ тогда примѣръ лойяльнаго и безоговорочнаго подчиненія свободно выраженной волѣ народа.

* Это обстоятельство дало поводъ офиціозу ген. Уварова открыть походъ противъ городской думы, председателя ея и городской управы.

** Малютка эта погибла въ городской больницѣ 16 октября 1918 г. послѣ эвакуаціи Ставрополя добровольцами.

*** Преодо мною цѣтъ текста рѣчи ген. Деникина, — воспроизвожу ее по памяти.

— Будьте вы правыми, будьте вы лѣвыми, всѣхъ, у кого пламенѣтъ въ сердцѣ любовь къ Родинѣ, мы зовемъ къ работѣ и борьбѣ за великую и свободную Россію. —

Рѣчь эта, служившая какъ бы отвѣтомъ чаянъямъ, отставшимъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ альянсъ съ демократіей, желавшимъ видѣть въ Добровольческой арміи лишь орудіе кастовыхъ вождельній, — произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и вызвала живѣйшіе отклики.

А. И. Деникинъ прикоснулся къ отверстой, наболѣвшей ранѣ, но прикосновеніе его было цѣлительно и любовно. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ выступили слезы. Такъ хотѣлось вѣрить въ дѣйственность словъ ген. Деникина.

Конецъ обѣда былъ омраченъ выступленіемъ Н. Г. Левицкаго, приглашеннаго на обѣдъ въ качествѣ сотрудника Уваровскаго оффиціоза. Обращаясь къ присутствовавшему на обѣдѣ епископу Михаилу, Левицкій началъ свою рѣчь.

— Михаилъ тутъ говорилъ...

Затѣмъ, вложивъ въ уста владыки слова, которыхъ тотъ не произносилъ, Левицкій началъ доказывать отличіе Добровольческой арміи отъ полиціи. Послѣ этого выступленія присутствовавшихъ обошла записка съ приглашеніемъ закончить вербальную часть чествованія Командующаго Добровольческой арміей.

Въ тотъ же вечеръ ген. А. И. Деникинъ отбылъ изъ Ставрополя.

Къ пріѣзду ген. Деникина Ставропольскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ былъ составленъ докладъ по ряду вопросовъ «о пользахъ и нуждахъ», въ томъ числѣ: о поправкахъ къ городскому избирательному закону, о возстановленіи функцій административной юстиціи и судебной регистраціи товариществъ, обществъ и союзовъ, о смягченіи исключительныхъ условій военнаго времени и т. д.

Въ виду того, что посѣщеніе городской думы Командующимъ арміей не состоялось въ этотъ пріѣздъ и делегация думы аудіенціи по поводу этого доклада у ген. Деникина не имѣла, было испрошено разрѣшеніе Командующаго на представленіе этого доклада въ Екатеринодарѣ, куда нѣсколько позднѣе делегация городской думы и выѣхала.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ делегатами, ген. Деникинъ согласился съ большинствомъ изъ тезисовъ представленнаго доклада и обѣщаль принять мѣры къ скорѣйшему проведенію ихъ въ жизнь.

Кромѣ того, делегации было обѣщано освободить Ставрополь отъ ген. Уварова.

Это было незадолго до 25 сентября 1918 года, — даты смерти Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи М. В. Алексѣева*.

XXII.

Положеніе на фронтѣ. Нажимъ ген. Врангеля на красныхъ. Тревога въ Ставрополѣ. Заявленіе губернатора. Внезапная эвакуация города. Разговоръ съ П. В. Глазенапомъ. Разлука съ больной семьей. «Нѣсколько часовъ» полк. Глазенапа. На ст. Пелагиада. Бесѣда съ А. И. Деникинымъ. Разгаръ борьбы за обладаніе городомъ. Занятіе Ставрополя ген. Врангелемъ. Вѣсть о гибели семьи.

Отбросивъ красныхъ отъ Екатеринодара, главныя силы добровольцевъ продолжали тѣснить ихъ изъ Майкопскаго отдѣла и въ направленіи на югъ, вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги.

* Послѣ смерти Верховнаго Руководителя Добр. Арміи М. В. Алексѣева, ген. А. И. Деникинъ сталъ именоваться Главнокомандующимъ сначала Добр. арміей, а затѣмъ, послѣ соглашенія съ Донскимъ и Кубанскимъ атаманами, состоявшагося 26 декабря 1918 г., — Главнокомандующимъ вооруженными силами Юга Россіи.

Ставрополь охранялся сравнительно слабыми силами и судьба его зависѣла отъ направленія, которое изберутъ главные силы красныхъ при ихъ отступленіи.

Въ началѣ сентября 1918 года, съ переменнымъ счастьемъ, шла борьба въ районѣ станицъ Петропавловской и Михайловской, гдѣ была сосредоточена группа красныхъ, численностью около 15,000 бойцовъ.

Противъ нихъ дѣйствовали — 1-ая конная дивизія ген. Врангеля, въ составѣ около 1,200 бойцовъ, и пѣхотныя дивизіи Казановича и Дроздовскаго, занимавшія районъ Армавира и линію желѣзнодорожной магистрали до станціи Овечка.

Въ первыхъ числахъ октября конницей ген. Врангеля были взяты станицы Урупская и Безскорбная и начались бои за переправу черезъ Урупъ.

Тѣмъ временемъ красные, заслонившись Урупомъ, наступали въ разрѣзъ между конницей и 1-ой пѣхотной дивизіей, тѣсня пѣхотныя части ген. Казановича съ юга на Армавиръ.

13 октября, форсировавъ Урупъ, конница ген. Врангеля обратила красныхъ въ бѣгство. Полчища ихъ откатились къ ст. Успенской на Кубань — въ районъ, гдѣ сближается магистральная желѣзнодорожная линія съ Армавиръ-Туапсинской линіей на Ставрополь.

Не ожидая форсирования ген. Врангелемъ Кубани, силы красныхъ, переправившись на правый берегъ, начали распространяться внизъ по теченію Кубани и желѣзнодорожной линіи на Ставрополь. Этимъ движеніемъ красныхъ силъ предрѣшена была участь Ставрополя*.

Въ субботу, 13 октября началась въ Ставрополѣ тревога. Собравшіеся на очередное думское засѣданіе гласные просили городского голову освѣдомиться у губернатора о положеніи на фронтѣ. Вернувшись отъ полк. Глазенапа, городской голова, открывая думское засѣданіе, заявилъ по порученію губернатора, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для тревоги. Положеніе на фронтѣ вполне устойчиво. Никакой угрозы городу со стороны красныхъ не намѣчается.

Уже слѣдующее утро опредѣлило цѣну этого заявленія губернатора, а кстати и цѣну, въ глазахъ этого администратора, тѣхъ послѣдствій внезапной эвакуаціи города, которая стоила населенію неисчислимыхъ и частью невознаградимыхъ потерь**.

Вернувшись домой послѣ думскаго засѣданія, я провелъ часть ночи у постели жены и двухъ дочерей — малютокъ, находившихся въ разгарѣ скарлатины. Жена и младшая дочь металась и бредила, переживая кризисъ болѣзни, старшая была такъ слаба, что ей впрыскивали камфору.

Смѣненный подъ утро, я едва успѣлъ въ кабинетѣ забыться сномъ, какъ раздался телефонный звонокъ. Городской голова меня спрашивалъ, принялъ ли я какія либо мѣры къ отъѣзду.

* Противникъ этого отступленія красныхъ силъ на Ставрополь, Сорокинъ, указывалъ, что Ставрополь можетъ явиться мѣшкомъ для Красной арміи, но онъ былъ оставленъ красными отъ командованія, заключенъ въ Ставропольскую тюрьму и въ ней погибъ, зарубленный красноармейцами. Впослѣдствіи, въ послѣднихъ числахъ октября 1918 г., ген. Врангель подтвердилъ реальность опасеній Сорокина — красные были окружены пѣхотными дивизіями ген. Боровскаго и Дроздовскаго со стороны линіи ж. д. Кавказская — Ставрополь, второю Кубанской дивизіей ген. Врангеля — со стороны Сегилевской и дивизіей ген. Покровскаго — со стороны Темнолѣвской. Красныхъ спасъ прорывъ ими этого кольца въ ночь съ 30 на 31 октября въ секторѣ между пѣхотою ген. Боровскаго и конницей Улагая, что дало имъ возможность уйти въ направленіи на Петровское, Терновку и Благодатное, прикрываясь арьергардными боями.

** Главное Командованіе расцѣпилось, повидимому, П. В. Глазенапа, какъ администратора, иначе. Вскорѣ по возвращеніи въ разоренный Ставрополь, полк. Глазенапъ былъ произведенъ въ чинъ генераль-маіора.

— Почему? — удивился я.

— Посмотрите на улицу!

Изъ окна моего кабинета видно было, какъ по панели улицы, въ однихъ халатахъ, не взирая на пронизывающій холодный вѣтеръ, тянулись изъ лазаретовъ больные и раненые, нѣкоторые на костыляхъ. Порою ихъ обгоняли разрозненныя группы пѣхотинцевъ и всадниковъ. Троттуары были забиты спѣшащими съ узелками горожанами...

Я бросился къ губернатору П. В. Глазенапу. Его конвой расположился у гостиницы «Россія», противъ зданія окружнаго суда. Губернаторъ стоялъ въ подъѣздѣ гостиницы.

— Что случилось? — спросилъ я.

— Мы эвакуируемъ городъ, — спокойно отвѣтилъ полк. Глазенапъ.

— Но позвольте, вѣдь еще вчера вы утверждали... Какъ же это произошло?

— Такъ и произошло, — улыбнулся губернаторъ.

— Какъ же быть съ учрежденіями, судомъ, дѣлами?

— Оставьте все на мѣстѣ. Мы поджидаемъ подхода резервовъ. А, впрочемъ, какъ хотите.

Помолчавъ, губернаторъ посовѣтовалъ все же выѣхать «на нѣсколько часовъ» изъ города, такъ какъ городскія улицы могутъ стать ареною боя.

Приглашенный къ больной семьѣ врачъ категорически высказался противъ возможности эвакуировать больныхъ, въ виду остро-заразнаго характера заболѣванія и неизбежности столь опасныхъ при скарлатинѣ простудныхъ осложнений и указалъ единственный выходъ — помѣстить больныхъ подъ чужою фамиліею въ городской больницѣ.

Очнувшіяся отъ забытья, понявъ происходящее, жена и дѣти смотрѣли испуганными, полными слезъ глазами, пытались, преодолевая слабость, подняться и одѣться и просили взять съ собою...

— Мнѣ совѣмъ лучше, возьмите насъ съ собою, — протягивала ручки семилѣтняя дочь Злата.

Черезъ два дня, 16 октября, когда красноармейцы ворвались въ городскую больницу, всѣхъ ихъ не стало. Объ этомъ я узналъ лишь двѣ недѣли спустя... Мѣсяць спустя, при вскрытіи ихъ могилы слѣдственною властью, рученка Златы оказалась поднятою къ крышкѣ гроба.

. . . . .

Заперевъ опустѣвшую квартиру, ничего не взявъ оттуда, — вѣдь всего на «нѣсколько часовъ» — припоминались мнѣ слова губернатора, — въ воскресенье, 14 октября, мы влились въ вереницу подводъ и пѣшеходовъ, послѣдними покидающихъ городъ.

Со мной рядомъ шель пожилой врачъ, несшій въ узелкѣ каравай хлѣба, картузъ табаку и медицинскіе инструменты, — это было все, что онъ успѣлъ захватить съ собою. Большинство идущихъ мужчинъ и ѣдущихъ дѣтей и женщинъ захватили съ собой не больше. Вѣдь, «всего на нѣсколько часовъ»...

За подъемомъ Монастырской горы, у воротъ Мариннскаго монастыря, часть бѣглецовъ остановилась, предполагая здѣсь остаться на ночлегъ, но проскакавшая группа всадниковъ посовѣтовала не задерживаться и спѣшить къ станціи Пелагіада, гдѣ подъ руководствомъ ген. Уварова заканчивается погрузка бѣглецовъ изъ Ставрополя.

Со станціи Пелагіада открывался видъ на сѣверные склоны города. Мысль, точно птица, вьющаяся вокругъ гнѣзда съ дѣтенышами, за склономъ горы указывала

путь къ родному дому и оттуда къ больницѣ, гдѣ оставленные, безпомощныя близкія мечутся въ бреду. Къ чему погружаться въ вагоны, зачѣмъ уѣзжать такъ далеко? Вѣдь всего на «нѣсколько часовъ»...

Ночь перебыли въ 20 верстахъ отъ города, въ сел. Московскомъ. Какъ узнали потомъ, въ эту ночь въ другомъ подгородномъ селѣ Михайловскомъ красными былъ замученъ казанскій фабрикантъ Н. И. Алафузовъ, съ трудомъ вывезенный изъ города, больной угасающій старикъ.

На развѣтѣ 15 октября, поднятые тревогой, начали новое отступленіе до поселка Тищенскаго. Нѣсколько дней тамъ — и новый переходъ въ Кубанскую станцію Ново-Троицкую и оттуда черезъ день въ Ново-Александровскую.

«Нѣсколько часовъ» полковника Глазенапа растянулись въ длинныя, безпросвѣтныя недѣли...

Устроивъ двухъ старшихъ дѣтей, мать и сестру въ станицѣ Ново-Александровской, я воспользовался проѣздомъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ А. А. Колчинскаго, чтобы продвинуться ближе къ фронту.

Мы прибыли передъ вечеромъ на станцію Пелагіада, вблизи которой проходилъ фронтъ. Дулъ пронизывающій осенній вѣтеръ. У желѣзнодорожныхъ построекъ, поврежденныхъ снарядами, защищаясь отъ вѣтра, грѣлись добровольцы, получившіе передышку, — нѣкоторые безъ шинели. Недалеко, по склону горы, шла ружейная пальба, изъ окоповъ приходили перевязываться легко-раненные.

Здѣсь я узналъ о временномъ успѣхѣ добровольцевъ, ворвавшихся въ городъ, но скоро вытѣсненныхъ красными.

Неподалеку, — казалось, рукой подать, — высился выступъ Соборной горы, съ высокой стройной колокольной кафедральной собора, съ ползущей среди садовъ по крутому склону линіей домовъ. Виднѣлась часть бульвара, ведущаго къ пустынной теперь желѣзнодорожной станціи. Предвечерняя дымка, поднимаясь по склону, заволакивала такой близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекой Ставрополь. Трескъ ружейной пальбы приближался. Съ наступленіемъ темноты поѣздъ «З» ушелъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ на ст. Изобильную, гдѣ былъ расположенъ штабъ ген. Боровскаго, я имѣлъ случай бесѣдовать съ ген. Деникинымъ.

Послѣ продолжительнаго военнаго совѣщанія въ штабѣ пѣхотной 2-й дивизіи, генераль вышелъ около полуночи въ комнату, гдѣ я ожидалъ конца совѣщанія. Я доложилъ генералу о тяжеломъ положеніи Ставропольскихъ бѣженцевъ, такъ внезапно оставившихъ свои дома, о лишеніяхъ, переносимыхъ ими, напомнилъ, какъ населеніе Ставрополя вѣрило въ Добрармію.

— Что жъ дѣлать, — тихо отвѣтилъ генераль, — военное счастье измѣнчиво, и дни неудачъ бьютъ и армію, и мирное населеніе... Если бы вы знали, какъ тяжела борьба, какъ много жертвъ несетъ армія.

Въ концѣ бесѣды, ген. Деникинъ предложилъ мнѣ выѣхать съ нимъ на станцію Кавказскую, гдѣ формировался бѣженскій комитетъ Ставропольцевъ.

Между тѣмъ медленная упорная борьба вокругъ Ставрополя только разгоралась.

Добровольческія части стягивали кольцо вокругъ Ставрополя, намѣреваясь покончить съ тридцатитысячной арміей красныхъ однимъ ударомъ.

30 октября части конной дивизіи ген. Врангеля подошли къ Ставрополю. На развѣтѣ 31 октября, ген. Врангель атаковалъ красныхъ, наступавшихъ противъ пѣхотной дивизіи ген. Боровскаго. Въ этотъ день ген. Бабіевъ ворвался въ городъ и захватилъ желѣзнодорожный вокзалъ. Весь день 1 ноября и въ продолженіи ночи шли бои съ перемѣннымъ счастьемъ, переходя въ уличный бой. Утромъ 2 ноября

началась атака казаками города съ юга и лишь къ вечеру, послѣ непрерывнаго боя, Ставрополь вновь былъ въ рукахъ добровольцевъ*.

Вечеромъ 1 ноября, губернаторъ П. В. Глазенапъ на ст. Радзвяной получилъ приказъ Командующаго выступить къ Ставрополю походнымъ порядкомъ со своимъ штабомъ и государственной стражей, а 3 ноября въ городъ прибылъ со своимъ штабомъ ген. Деникинъ.

Добровольческія части преслѣдовали въ это время красныхъ, отступившихъ, послѣ прорыва добровольческаго кольца, вдоль линіи желѣзной дороги на Петровское.

* * *

Почти передъ моимъ выѣздомъ въ Ставрополь, ко мнѣ подошелъ на станціи Кавказской товарищъ предсѣдателя Ставропольской думы Е. Г. М-овъ.

— Неужто все это правда? — спросилъ онъ меня.

— О чемъ вы? — невольно вздрогнулъ я.

— Такъ вы еще ничего не знаете... Тогда простите...

Немного спустя мнѣ сообщили свѣдѣнія о гибели моей семьи, разгромъ и пожаръ въ моей квартирѣ.

XXIII.

Ставропольскій фронтъ. «Диктатура» г. г. комендантовъ. «Пой, Боже Царя храни!» Приказъ о поклонахъ. Порка по передовѣрію. «Мало васъ рѣзали». Въ контръ-развѣдкахъ. «Право офицерское».

Со второй половины октября 1918 года Ставропольская губернія, черезъ которую съ Сѣвернаго Кавказа откатывались силы красныхъ, на нѣсколько мѣсяцевъ стала ареною главной борьбы добровольческихъ и красныхъ силъ.

Съ 14 октября по ноябрь шла борьба вокругъ Ставрополя. Въ первой половинѣ ноября развивались упорные бои за обладаніе Константиновскимъ и Петровскимъ, въ районъ которыхъ откатились изъ подъ Ставрополя красные, пока 15 ноября они не были разбиты и обращены въ бѣгство Улагаемъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября красные бросились на отрядъ ген. Станкевича, занимавшій Приманьческій уголь губерніи, но угрожаемые конницей ген. Врангеля, затѣмъ метнулись на армейскій корпусъ ген. Казановича въ районѣ подступовъ къ уѣздному селу Благодарному.

Здѣсь, 22 декабря, въ районѣ селъ Шишкино и Медвѣдки при участіи войскъ ген. Врангеля разыгрался большой бой, ходъ котораго наблюдали съ возвышенности ген. Деникинъ и прибывшая съ нимъ союзническая миссія съ ген. Пулемъ во главѣ.

Разбитые въ вечеръ этого дня красные были отброшены къ сел. Благодарному, а оттуда къ городу Святого Креста, гдѣ Улагай захватилъ большую военную добычу.

Въ началѣ января 1919 года красные были оттѣснены къ начальному пункту Прикумской жел. дор., окружены въ Георгіевскѣ, разбиты и, оставивъ богатую добычу, бросились къ Каспійскому морю, гонимые конницей ген. Покровскаго.

Во второй половинѣ января 1919 года XI красная армія растаяла, отдавъ добровольцамъ огромные обозы, бронепоезда, орудія, пулеметы и свыше 30,000 плѣнныхъ.

* Въ воспомнаніяхъ К. Н. Соколова «Правленіе ген. Деникина» указывается, что уже 1 ноября на засѣданіи Кубанской рады ген. Дешикинымъ была оглашена телеграмма о взятіи Ставрополя. Повидимому, это телеграфное сообщеніе имѣло въ виду захватъ Ставрополя ген. Бабіевымъ 31 октября.

На короткое время Манычская операція затронула юго-восточный уголь губерніи, но уже через нѣсколько дней, въ первыхъ числахъ мая, фронтъ передвинулся въ область Войска Донского и затѣмъ далеко и надолго отодвинулся въ сѣверномъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ январѣ 1919 года, можно считать фронтъ военныхъ дѣйствій ушедшимъ изъ предѣловъ Ставропольской губерніи и, въ мѣру его отдаленія, населеніе вправѣ было ожидать смягченія той диктатуры, которая въ верхахъ теоретически мыслилась полнотою власти Главнокомандующаго, а на мѣстахъ претворялась въ произволъ людей, имѣющихъ на плечахъ военные погоны, какой бы малый чинъ на этихъ погонахъ ни былъ обозначенъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ проявленія этой мѣстной «диктатуры».

Въ Николинъ день, 6 декабря 1918 года, Ставропольскій комендантъ полк. Архиповъ, по совѣту одного изъ своихъ сотрапезниковъ, послалъ солдатъ за гласнымъ мѣстной городской думы М., принадлежавшимъ къ лѣвому крылу эсэровской партіи.

Когда М. прибылъ въ помѣщеніе комендатуры и спросилъ о причинахъ его вызова, полк. Архиповъ приказалъ ему:

— Пой «Боже, Царя храни», такой-сякой!

— Неужто вы меня, полковникъ, только для этого и вызывали?

— Да ты еще разговаривать? Высыпать ему!

Къ приходу М. уже были заготовлены шомпола и мокрые мѣшки. По приказанію коменданта солдаты схватили М. и надругались надъ нимъ въ присутствіи находившихся здѣсь же сотрапезниковъ коменданта.

— Теперь Вы свободны, — объявилъ комендантъ гласному М. по окончаніи экзекуціи.

Это происходило въ центрѣ губернскаго города, противъ зданія окружнаго суда.

Послѣ того, какъ вокругъ этого дѣла была поднята буча, въ Ставрополь для производства слѣдствія прибылъ военный слѣдователь г. Миславскій, очень холодно, какъ онъ рассказывалъ мнѣ, принятый военнымъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

Приговоренный военнымъ судомъ* къ семидневному, кажется, домашнему аресту, полк. Архиповъ вернулся къ своей прежней должности, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ государственной стражи Больше-Дербетовскаго улуса.

Въ селѣ Лѣтвицкомъ, Медвѣженскаго уѣзда, мѣстный комендантъ вызвалъ къ себѣ одного изъ мѣстныхъ жителей и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Ты судился съ такимъ-то?

— Судился.

— Сколько тебѣ присудилъ мировой?

— Двѣнадцать сотенъ.

— Высыпать ему по одной за каждую сотню.

Когда истцу всыпали, комендантъ проводилъ его словами:

— Передай мировому, что и ему то же будетъ, если онъ будетъ обижать моихъ знакомыхъ.

Въ селѣ Ладовско-Балковскомъ мѣстный комендантъ издалъ приказъ, чтобы мужчины при встрѣчѣ съ нимъ останавливались и кланялись, снимая головной уборъ, а женщины привѣтствовали бы его пояснымъ поклономъ, сложивъ руки на животѣ.

Какъ видите, даже это было предусмотрено.

* Защитникомъ полк. Архипова на судѣ выступалъ членъ Госуд. Думы Замысловскій.

Черезъ нѣкоторое время въ отдѣлъ пропаганды явилась рыдающая сельская учительница и рассказала, что комендантъ приказалъ ее выпороть за неисполненіе приказа.

Въ подгородномъ селѣ Кугультѣ, мѣстный комендантъ Л. передовѣрилъ свои права матушкѣ, и урядникъ Гладковъ поролъ бабъ по приказу послѣдней среди бѣлаго дня у волостного правленія.

Хуже всего было то, что случаи эти превращались въ бытовое явленіе, и притомъ явленіе или безнаказанное, или во всякомъ случаѣ не влекущее за собой устраненія отъ дальнѣйшей дѣятельности такого администратора.

Бороться съ этой разнузданностью было очень трудно цивильнымъ людямъ, да и не всякій рисковалъ на эту борьбу, зная, какая бѣшеная атака поднималась противъ жалобщика или должностного лица, принявшаго жалобу, по обвиненію ихъ и въ большевизмъ, и въ содѣйствіи краснымъ, а иногда просто въ сожительствѣ съ... красноармейкой*.

Обычнымъ отвѣтомъ ген. Уварова, когда къ нему обращались съ жалобами на случаи произвола и обидъ, была стереотипная фраза:

— Мало васъ еще большевики рѣзали! Погодите, вотъ мы уйдемъ, такъ васъ дорѣжутъ!

На одну изъ жалобъ городского головы о невѣроятныхъ «реквизиціяхъ» на окраинахъ города, военный губернаторъ П. В. Глазенапъ отвѣтилъ:

— А я нахожу это справедливымъ. Раньше они грабили, теперь пусть ихъ пограбятъ...

Я намѣренно пока не касался дѣятельности полевыхъ судовъ, военно и судебно-слѣдственныхъ комиссій и контръ-развѣдокъ, ибо отъ насъ, цивильныхъ людей, учрежденія эти были отгорожены высокими стѣнами.

Помню только, какъ при первомъ же посѣщеніи офицерской контръ-развѣдки, на Барятинской ул., я былъ пораженъ криками и стонами, исходявшими откуда-то снизу.

— Это пьяныхъ вытрезвляютъ, — пояснилъ мнѣ начальникъ развѣдки.

— А развѣ и это входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей? — спросилъ я.

Это была контръ-развѣдка вспомогательная, временная. Другая, постоянная, помѣщалась въ барскомъ особнякѣ Европейскаго переулка, а затѣмъ перешла подъ одну крышу съ синагогой.

Въ числѣ сотрудниковъ-добровольцевъ этого учрежденія состояли бывший председатель союза русскаго народа В. А. Соколовъ (о преступной дѣятельности котораго въ партизанскомъ отрядѣ «имени Ставропольскаго военнаго губернатора» докладывалъ мнѣ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ) и недавно передъ этимъ отбывшій наказаніе за подлоги и растраты подпольный ходатай Сопневъ.

Въ связи съ дѣятельностью этого учрежденія припоминаю одинъ случай убійства, когда виновныхъ обнаружено не было.

Въ ноябрѣ 1918 года, вскорѣ послѣ очищенія Ставрополя отъ красныхъ, къ Н. А. Косенкову, мѣстному хлѣботорговцу, бывшему гласному думы, вечеромъ, явились военныя лица, назвавшія себя чинами контръ-развѣдки, и потребовали немедленной явки Косенкова въ помѣщеніе развѣдки. На утро трупъ Н. А. Косенкова былъ обнаруженъ на площади Верхняго Базара.

* Такой запросъ поступилъ ко мнѣ изъ Управленія Юстиціи по поводу одного изъ моихъ товарищей прокурора.

Какъ претворялась эта мѣстная «диктатура» въ пониманіи мѣстнаго населенія? Въ одну изъ моихъ служебныхъ поѣздокъ ко мнѣ обернулся съ облучка ящикъ и, взглядываясь въ меня, задалъ вопросъ:

— А что, баринъ, вы не изъ судейскихъ?

— Изъ судейскихъ. А что?

— Да вотъ у насъ тутъ одно дѣло случилось. Сказать прямо — пьяные офицеры брата до смерти убили.

— Какъ убили?

— Да такъ, — заругались да и убили. Такъ вотъ хотѣлъ я васъ спросить, есть такія права, чтобы жаловаться?

— Конечно. Заявите слѣдователю или прокурору, а хотите, я приму отъ васъ заявленіе.

— Вишь ты, какое дѣло! А старики порѣшили не жаловаться, потому, говорятъ, теперь право офицерское...

XXIV.

Въ ожиданіи перелома. Особое Совѣщаніе. Актъ о подчиненіи адмиралу Колчаку. Адресъ объединенія организацій. «Потерпите немного». Военная іерархія. Партизанскіе отряды имени Ставропольскаго военнаго губернатора. Страничка военнаго эпоса этихъ отрядовъ. «Дѣлу этому не бывать».

Весна и лѣто 1919 года были мѣсяцами развертыванія силъ юга Россіи на фронтахъ военномъ и гражданскомъ.

Военные успѣхи армій перенесли линію фронта далеко на сѣверъ и западъ и для значительной части территоріи, освободившейся отъ боевого хаоса, казалось бы, наступило время водворенія порядка и осуществленія обѣщаній, провозглашавшихся Главнымъ Командованіемъ.

При Главнокомандующемъ Вооруженными Силами Юга Россіи развивало дѣятельность Особое Совѣщаніе, въ составъ котораго одновременно входили: ген. Драгомировъ, ген. Лукомскій, ген. Романовскій, ген. Санниковъ, ген. Тихменевъ, Н. П. Астровъ, М. М. Федоровъ, В. В. Шульгинъ, М. В. Бернацкій, Э. П. Шуберскій, І. А. Гейманъ, А. А. Нератовъ, В. Н. Челищевъ, Н. Н. Чебышевъ, В. А. Степановъ, К. Н. Соколовъ, Н. Е. Парамоновъ, С. В. Безобразовъ, А. А. Лодыженскій, С. Н. Масловъ, В. П. Носовичъ, И. П. Шиповъ.

Центральныя управленія вѣдомствъ изъ скромныхъ отдѣловъ развернулись въ подлинныя министерства.

Иностранными сношеніями вѣдалъ А. А. Нератовъ. Во главѣ управленія финансовъ стоялъ М. В. Бернацкій, на котораго возлагались большія надежды въ смыслѣ упорядоченія финансовой системы. Начальникомъ управленія юстиціи былъ назначенъ испытанный судебный дѣятель, бывшій предсѣдатель московскаго съѣзда мировыхъ судей, а затѣмъ судебной палаты, В. Н. Челищевъ. Вѣдомство внутреннихъ дѣлъ было ввѣрено бывшему прокурору Московской судебной палаты Н. Н. Чебышеву, а затѣмъ оберъ-прокурору уголовнаго департамента В. П. Носовичу, пользовавшемуся въ былыя времена репутаціей непоколебимаго законника и недреманнаго ока.

Узаконенія и распоряженія центральной власти, получая починъ въ вѣдомствахъ, проходили путь обсужденія въ Особомъ Совѣщаніи и облекались отдѣломъ законовъ въ форму, выгодно отличающую ихъ отъ недавнихъ законодательныхъ «экспромптовъ» властей самаго разнообразнаго калибра и интеллекта.

6 марта 1919 года были учреждены временныя положенія: о гражданскомъ управленіи, объ общественномъ управленіи городовъ, о выборахъ городскихъ гласныхъ. Нѣсколько позднѣе положенія: о государственной стражѣ, о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и, наконецъ, о волостномъ земствѣ.

Казалось, съ внѣшней стороны бурная рѣка жизни начала вливаться въ мирное русло эволюціи.

30 мая 1919 года получилъ силу слѣдующій актъ ген. А. И. Деникина:

«Безмѣрными подвигами Добровольческихъ Армій, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ Единой Верховной Власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой родины и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и даруетъ спасеніе Россіи. Генераль-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ».

Послѣ опубликованія этого рыцарски-необходимаго* акта Главнокомандующему была представлена, за подписями предсѣдателя Національнаго Центра М. М. Федорова, предсѣдателя Совѣта Государственнаго объединенія Россіи А. В. Кривошеина и предсѣдателя Союза Возрожденія В. А. Мякотина, слѣдующая резолюція, принятая на объединенномъ засѣданіи этихъ организацій:

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ, объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный Центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго Государства, какъ Единого Цѣлаго.

Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преусуспѣшнѣнія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самоотверженномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго Ея объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народ-

* Слѣдуетъ отмѣтить, что Главное Командованіе Юга Россіи въ этотъ моментъ было въ апогее военныхъ успѣховъ своихъ армій.

ными массами какъ избавитель отъ тирании большевиковъ и глава объединенной Россіи, Всероссийское же Правительство, возглавляемое адмираломъ Колчакомъ, получить санкцію международнаго признанія.

Да здравствуетъ воскресшая Россія! Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди, адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшіе на себя подвигъ возрожденія Россіи къ новой свободной жизни.

На мѣстахъ и въ частности въ Ставропольской губерніи не менѣе восторженно былъ встрѣченъ этотъ актъ главнаго Командованія, окрылявшій надежду, что приближается на смѣну царившему хаосу какая-то новая грань бытія.

— Потерпите немного, — нѣсколько ранѣе говорилъ мнѣ вліятельный членъ Особаго Совѣщанія Н. И. Астровъ въ отвѣтъ на мою информацію, что творится въ Ставропольской губерніи.

— Потерпите немного, скоро все наладится, все образуется...

Но терпѣть Ставропольской губерніи, неповинной въ «предательствѣ на почвѣ личныхъ честолюбіи», чуждой какихъ бы то ни было самостоятельныхъ стремленій, — пришлось очень долго.

Позднѣе, — уже осенью 1919 года, Н. И. Астровъ, характеризуя соотношеніе центра и мѣсть, принужденъ былъ признать центръ работающимъ безъ приводныхъ ремней. Власть, поставленная центромъ на мѣста, была «самостійна» въ своихъ увлеченіяхъ, злоупотребленіяхъ и порой — преступленіяхъ.

И въ этомъ отношеніи Ставропольская губернія, первозванная, какъ я уже говорилъ, подъ правовую защиту Добрарміи, являла собою наглядный примѣръ.

Въ первые мѣсяцы 1919 года въ Ставрїи, какъ тогда называли губернію, продолжалъ губернаторствовать П. В. Глазенапъ, произведенный въ генеральскій чинъ послѣ возвращенія въ Ставрополь.

Правильнѣе было бы сказать, не «губернаторствовалъ», а «командовалъ» губерніей, ибо вся іерархическая лѣстница мѣстной администраціи была выстроена изъ военныхъ чиновъ.

Начальниками уѣздовъ назначались офицеры, во главѣ гос. стражи стояли также офицеры, въ губерніи дѣйствовали военно-слѣдственные комиссіи* и полевые суды, дѣятельность которыхъ объединялась въ лицѣ завѣдующаго судной частью при губернаторѣ.

Въ каждомъ населенномъ пунктѣ диктаторствовали военные коменданты, примѣры дѣятельности которыхъ я уже приводилъ выше.

Но ген. Глазенапу казалось и этого мало. Съ его согласія были сорганизованы особые партизанскіе отряды «имени Ставропольскаго губернатора», слывшіе въ населеніи подъ именемъ «тавричанскихъ» отрядовъ.

Исторія возникновенія этихъ отрядовъ, насколько мнѣ удалось выяснить впоследствии, такова.

Союзъ Ставропольскихъ «землеробовъ», въ которомъ значительную роль игралъ бывший предсѣдатель союза русскаго народа, а позднѣе членъ-иниціаторъ коммунахоа въ селеніи Орѣховскомъ, овцеводъ В. А. Соколовъ, обратился къ Главному Командованію съ предложеніемъ организовать изъ надежнаго зажиточнаго элемента мѣстные отряды, которые могли бы быть противопоставлены въ силу своего «классоваго самосознанія» большевистскимъ «рабоче-крестьянскимъ» отрядамъ.

Предложеніе это Главнымъ Командованіемъ было отвергнуто, но Ставропольскимъ Командованіемъ, въ лицѣ П. В. Глазенапа, принято.

* Позднѣе онѣ были переименованы въ судебно-слѣдственные комиссіи.

Отряды сорганизовались и начали развивать свою дѣятельность въ губерніи. Каковъ былъ ихъ составъ?

Не берусь ставить всѣхъ за одну общую скобку, но, повидимому, къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ отрядовъ относятся слѣдующія слова ген. А. И. Деникина:

— «Одинъ оказался пьяницей и садистомъ и, будучи исключенъ изъ арміи, впоследствии подобралъ шайку, нанялся къ ставропольскимъ овцеводамъ и терроризировалъ населеніе, пока не былъ преданъ суду*».

«Подобралъ шайку»... но вѣдь «шайка»-то эта дѣйствовала съ вѣдома Ставропольскаго губернатора!

Каковы были результаты дѣятельности этихъ отрядовъ и имъ подобныхъ въ другихъ мѣстахъ? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ приказа ген. Деникина отъ 6 іюня 1919 года:

«Крупные успѣхи арміи на фронтѣ омрачились донесеніями, что крестьяне, освобожденныхъ отъ большевиковъ районовъ, начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вследствие того, что во многихъ мѣстахъ началось при помощи войскъ возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ».

Телеграмма ген. Деникина на имя командующихъ арміями отъ 9 іюня 1919 года говоритъ о подобномъ проявленіи «военно-классоваго самосознанія» еще болѣе опредѣленно.

«По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками, при наступленіи въ очищенные отъ большевиковъ мѣста, являются владѣльцы, насильственно возстанавливающие, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести».

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго и административныхъ аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ.

Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти. Насильниковъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и группъ должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ.

Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популяриность арміи — падать; вмѣсто одного насилія появится другое; населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой Арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

Когда я, послѣ ликвидаціи Ставропольскаго кассационнаго суда, вернулся вновь къ обязанностямъ прокурора, до меня стали доходить свѣдѣнія о такого рода дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, что я поставленъ былъ въ необходимость задать однажды губернатору Глазенапу вопросъ:

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской смуты». Т. II, стр. 204.

— Извѣстно ли Вамъ, Петръ Владимировичъ, о дѣйствіяхъ въ губерніи шаекъ, присвоившихъ себѣ названіе «партизанскихъ отрядовъ», имени Ставропольскаго военнаго губернатора Глазенапа?»

— Почему же «присвоившихъ», — спокойно отвѣтилъ мнѣ ген. Глазенапъ, — это и есть отряды моего имени.

— Въ такомъ случаѣ долженъ поставить васъ въ извѣстность, что мною сдѣлано предложеніе о возбужденіи предварительнаго слѣдствія по одному изъ дѣлъ такого отряда.

— Этому дѣлу не бывать, — пристально взглянувъ на меня, отвѣтилъ ген. Глазенапъ.

Въ виду того, что дѣло начиналось при такихъ «ауспиціяхъ», я подробно доложилъ объ этомъ прокурору палаты Н. С. Ермоленко, и онъ обѣщаль мнѣ полное содѣйствіе по охранѣ слѣдствія отъ могущаго послѣдовать со стороны военныхъ властей натиска, въ связи съ возбужденіемъ этого дѣла.

Выдающійся слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ставропольскаго суда, В. Н. Яроцкій, «закопался» на нѣсколько недѣль въ губернію и, вернувшись, вручилъ мнѣ нѣсколько томовъ производства по дѣлу «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ*», сдѣлавъ при этомъ докладъ; подтвердившій правильность моего наименованія этихъ отрядовъ предъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

«Информаторомъ» — одного изъ отрядовъ состоялъ В. Н. Соколовъ, о которомъ я уже говорилъ, какъ объ организаторѣ въ болѣе раннія времена Союза русскаго народа въ Ставрополѣ, а въ болѣе позднія — коммунхоза въ селѣ Орѣховскомъ.

Онъ же состоялъ и «интендантомъ» по «сбору» у населенія фуража и иного довольствія для нуждъ отряда. Онъ же поставлялъ въ контръ-развѣдку на расправу своихъ недавнихъ товарищей по коммунхозу.

В. Н. Яроцкій, въ числѣ другихъ иллюстрацій, привелъ мнѣ такую картинку партизанскихъ дѣйствій «по сбору фуража и иного довольствія».

Къ Ставрополю медленно тянется большой обозъ, везущій шерсть** въ городскіе склады.

Внезапно и почти одновременно, на обозъ насаждаютъ двѣ вооруженныхъ группы и открываютъ споръ, какая изъ этихъ группъ первая захватила этотъ «военный призъ».

Споръ разгорается и принимаетъ настолько острый характеръ, что единственнымъ выходомъ изъ положенія является формальное объявленіе войны. Обѣ «арміи» рассыпаются цѣпями и открываютъ одна противъ другой, выражаясь языкомъ военныхъ реляцій, бѣглый огонь, а обозчики, повидимому привыкшіе къ положенію подобнаго рода внезапностей, мирно щелкая подсолнухи, наблюдаютъ съ ближайшаго пригорка, оружіе какого изъ «партизанскихъ отрядовъ имени Ставропольскаго губернатора» увѣнчаетъ судьба успѣхомъ.

Не успѣлъ я ознакомиться подробно съ производствомъ, какъ послѣдовало предписаніе представить дѣло «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ» въ Управление Юстиціи для обзрѣнія, и, пока я оставался прокуроромъ, дѣло это обратно въ мою камеру не вернулось.

* Дѣло было такъ названо, во избѣжаніе преждевременной огласки.

** Слѣдуетъ отмѣтить, что Ставропольская губернія являлась значительнымъ поставщикомъ на шерстяной рынокъ меринсовой шерсти.

Продолженіе распада на мѣстахъ. Губернаторъ ген. А. М. Валуевъ. Особый агитаціонный отрядъ и общества «За Россію». «Дикая дивизія» въ Святокрестовскомъ уѣздѣ. Власть въ с. Благодарномъ. Медвѣженская полиція. Мѣста заключенія. Восьмилѣтній каторжанинъ. По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ. Тифъ. Мѣры ген. Валуева.

По соглашенію съ прокуроромъ палаты было установлено, что мои участковые товарищи прокурора возможно чаще будутъ объѣзжать свои районы и представлять мнѣ доклады о положеніи на мѣстахъ, я же періодически, въ свою очередь, буду представлять сводку этихъ свѣдѣній прокурору палаты.

Ген.-лейт. А. М. Валуевъ, замѣнившій къ тому времени ген.-майора П. В. Глазенапа на посту Ставропольскаго губернатора, былъ вполне лояленъ къ дѣйствіямъ прокурорскаго надзора, не ставилъ никакихъ препятствій къ раскрытію во всей полнотѣ существующаго на мѣстахъ административнаго распада и неукоснительно присылалъ мнѣ на распоряженіе накопившіеся у него матеріалы по жалобамъ на должностныя злоупотребленія.

Въ связи съ административнымъ неблагополучіемъ, въ Ставропольскую губернію былъ командированъ особый агитаціонный отрядъ, на обязанности котораго лежала пропаганда и закрѣпленіе въ сознаніи населенія подлинныхъ идей Главнаго Командованія, не омраченныхъ мѣстной диктатурой.

По мысли С. Н. Сирина, стоявшаго во главѣ отряда, на территоріи губерніи возникла сѣть аполитическихъ организацій, именовавшихся обществами «За Россію», лояльныхъ по отношенію къ власти, ставившихъ своей задачей содѣйствіе власти по укорененію на мѣстахъ правовыхъ началъ.

Связанный непрерывнымъ общеніемъ со многими десятками открывшихся въ губерніи обществъ «За Россію», С. Н. Сиринъ сообщалъ власти и мнѣ, какъ прокурору, обо всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ должностныхъ преступленій и злоупотребленій и въ значительной степени содѣйствовалъ подзаконной борьбѣ съ этими явленіями.

Первая же сводка докладовъ моихъ участковыхъ товарищей и матеріаловъ по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ и жалобамъ дала удручающую картину разложенія власти на мѣстахъ.

Въ Святокрестовскомъ уѣздѣ безнаказанно буйствовала «дикая дивизія», способствуя превращенію лояльныхъ до того времени крестьянъ въ «зеленыхъ камышанниковъ».

Въ одномъ мѣстѣ чины этой дивизіи, ворвавшись въ больницу, оставили послѣ себя нѣсколько десятковъ труповъ. Зарегистрированы были случаи повѣшенія «для острастки» первыхъ же встрѣчныхъ на улицѣ. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на угонъ чинами дивизіи рабочаго скота и лошадей прямо съ полей, гдѣ производились работы*.

Во главѣ уѣзда стоялъ полк. Л., признававшійся начальнику особаго агитаціоннаго отряда, что онъ не сторонникъ судебнаго преслѣдованія преступниковъ и предпочитаетъ вмѣсто этой «волокиты» просто «ликвидировать» преступниковъ на мѣстѣ.

* Допесенія агитаціоннаго отряда въ значительной мѣрѣ способствовали переводу «дикой дивизіи» изъ Святокрестовской территоріи, чаша терпѣнія которой переполнилась отъ этого буйства.

Въ селѣ Благодарномъ, уѣздномъ центрѣ обширной территоріи, власть начальника уѣзда полк. Ч. была на откупѣ у какой-то полуграмотной женщины и буфетчика уѣзднаго притона З., открыто торговавшего у буфетной стойки и напѣтками, и благоволеніемъ уѣзднаго начальства.

Рѣдкій день я не подписывалъ предложеній о возбужденіи, въ порядкѣ закона отъ 11 апрѣля 1917 года, преслѣдованія противъ чиновъ государственной стражи по Медвѣженскому уѣзду, притомъ въ такихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою безусловное содержаніе подъ стражей.

Мѣста заключенія, въ которыхъ не утихали эпидеміи тифовъ, были переполнены сверхъ мѣры подслѣдственными развѣдокъ и комиссій, заставлявшихъ по нѣсколько мѣсяцевъ ожидать первоначальнаго допроса. При обходѣ мною мѣстъ заключенія въ Ставрополѣ обнаружился такой, на примѣръ, своеобразный титулъ содержанія подъ стражей: «препровождается неизвѣстный для содержанія подъ стражей впредь до особаго распоряженія, арестованный мною на ст. Гулькевичи». Подпись — поручикъ такого-то полка. Арестованный дѣлалъ все зависящее, чтобы выйти изъ положенія «неизвѣстности», опровергая свою безликость имѣющимися у него документами, но проѣхавшій станцію Гулькевичи поручикъ, повидимому, давно забылъ объ обѣщанномъ имъ «особомъ распоряженіи» и этимъ обрекъ его пребывать въ состояніи «неизвѣстности», и подъ стражей многіе мѣсяцы*.

Въ помѣщеніи каторжанъ я обнаружилъ восьмилѣтняго мальчика, приговореннаго полевымъ судомъ къ пятнадцатилѣтней каторгѣ «по подозрѣнію» въ шпионажѣ въ пользу красныхъ**. Тамъ же отбывалъ наказаніе присужденный полевымъ судомъ къ каторгѣ «за внѣбрачное сожителство съ родственницей».

Впрочемъ, указаніе преступленія, влекущаго пребываніе подъ стражей, было сравнительно рѣдкостью.

Въ большинствѣ случаевъ подслѣдственные или осужденные присылались органами временной или полевой юстиціи при краткой запискѣ безъ копій опредѣленія о заключеніи подъ стражу или приговора, иногда просто съ лаконическимъ указаніемъ: содержать! Поэтому въ графѣ тюремныхъ журналовъ, требующей указанія по обвиненію въ чемъ содержится заключенный, сплошь и рядомъ значилось: свѣдѣній не имѣется***.

За переполненіемъ тюремной больницы сыпно-тифозные размѣщались въ общемъ тюремномъ корпусѣ. Видъ камеръ, превращенныхъ въ очаги заразы, представлялъ собой, поистинѣ, одну изъ картинъ Дантова «Ада».

* Припоминаю случай, имѣвшій мѣсто, когда я уже былъ утвержденъ Главнокомандующимъ воор. силами Юга Россіи въ званіи министра юстиціи этой территоріи.

При обходѣ мною сыпно-тифознаго помѣщенія Новороссійской тюрьмы, глубокой старикъ протянулъ мнѣ бумажку, въ которой значилось, что онъ одесскій домовладѣлецъ, по фамиліи Бронштейнъ, 71 года.

— По какому дѣлу содержится? — спросилъ я сопровождавшего меня начальника тюрьмы.

— По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ-Бронштейномъ, Ваше Высокопревосходительство.

И удивленно посмотрѣлъ на прокурора.

— Почему до сихъ поръ не освобожденъ?

— Содержится по распоряженію Главнокомандующаго, — смутился прокуроръ.

Я поручилъ прокурору палаты наблюсти, чтобы «подозрѣваемый въ родствѣ» былъ перемѣщенъ въ другую больницу, а Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова, имѣвшаго въ этотъ день докладъ у Главнокомандующаго, во избѣжаніе кривотолковъ, просилъ доложить А. И. Деникину непосредственно объ этомъ эпизодѣ.

** По распоряженію Главнокомандующаго, этотъ восьмилѣтній «каторжанинъ» вскорѣ былъ возвращенъ родителямъ.

*** Такое же положеніе, если не хуже, отмѣчено было мною при посѣщеніи Екатеринодарской краевой тюрьмы.

Въ лучшемъ случаѣ на нарахъ, а въ худшемъ — на голомъ асфальтовомъ полу, ютились вповалку больные, въ грязномъ, рваномъ бѣльѣ, держа очередь, чтобы хоть плечомъ прислониться къ печи, скудному источнику тепла. При проходѣ по камерамъ подъ ногами хрустѣли насѣкомыя. Переживавшіе кризисъ, а можетъ быть и послѣднія минуты, больные катались въ бреду по полу. Одинъ изъ нихъ въ состояніи бредовой экзальтаціи при моемъ появленіи заявилъ мнѣ:

— Прошу, прокуроръ, ходу моей жалобѣ не давать, ибо вчера ночью я умеръ*.

Отъ тифа погибъ начальникъ тюрьмы С. З. Дейниковскій, два его помощника лежали въ тифѣ, нѣсколько надзирателей тоже. Курсирующія же ежедневно отъ тюрьмы къ кладбищу подводы разгружали переполненную въ 3 раза противъ комплекта тюрьму, чтобы освободить мѣста новымъ и новымъ толпамъ арестованныхъ, препровождаемыхъ сельскими комендантами, комиссіями и развѣдками съ своими законическими записками: содержать!

Я обратилъ вниманіе ген. Валуева на это совершенно недопустимое положеніе. Послѣ личнаго посѣщенія мѣстъ заключенія имъ былъ изданъ приказъ, напоминающій объ уголовной отвѣтственности за несоблюденіе предписываемыхъ закономъ гарантій при заключеніи подъ стражу, объявлены были правила письменнаго производства дѣлъ въ полевыхъ судахъ, а для обзора и разгрузки дѣлъ во временныя военно-слѣдственныя учрежденія были командированы юристы, изнемогшіе въ этой сизифовой работѣ.

Власть, даже при искреннемъ желаніи бороться съ царившей разнузданностью, дѣйствовала «безъ приводныхъ ремней» и была бессильна въ этомъ жестокомъ быту своеобразной «диктатуры».

Я приведу нѣсколько бытовыхъ эпизодовъ этого жестокаго времени.

XXVI.

Убіеніе Н. Н. Безмѣнова. Дѣло объ убійствѣ екатеринославскаго помѣщика Кордубана. Казнь Р. Г. «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ!»

Въ имѣніи «Николина пристань», близъ большого села Петровскаго, проживали съ своими семьями обломки мѣстнаго дворянскаго рода, Николай Николаевичъ и Иванъ Николаевичъ Безмѣновы.

Имя ихъ когда-то гремѣло въ губерніи. Въ дѣтствѣ, когда я былъ частымъ гостемъ въ семьѣ «безсмѣннаго» Ставропольскаго губернатора Н. Е. Никифораки**, я знавалъ въ старомъ губернаторскомъ домѣ «безмѣновскую комнату», гдѣ обычно останавливались братья Безмѣновы, пріѣзжая изъ имѣнія съ челядью и верховыми лошадьми.

Позднѣе Безмѣновы, ведшіе тяжбу съ сосѣдями и кредитными учрежденіями, обѣднѣли.

Имѣніе ихъ, кромѣ небольшого хуторка «Николина пристань», пошло съ молотка, а жизненные удары превратили Н. Н. Безмѣнова сначала въ административнаго ссыльнаго, а затѣмъ въ 1906 году въ главнаго подсудимаго по большому политическому «безмѣновскому» процессу, гдѣ онъ предсталъ во главѣ 100 крестьянъ

* Онъ ошибся только во времени: онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ посѣщенія мною тюрьмы.

** Ген.-лейт. Н. Е. Никифораки губернаторствовалъ въ Ставрополѣ около 17 лѣтъ. Превзошелъ его въ этомъ отношеніи лишь архіепископъ Агафодоръ, на много лѣтъ пережившій въ Ставрополѣ своего друга, губернатора Никифораки.

предъ особымъ присутвіемъ палаты, въ качествѣ предсѣдателя ставропольскаго крестьянскаго союза.

По отбытіи трехгодичнаго заключенія въ крѣпости, Н. Н. Безмѣновъ велъ тихую жизнь хуторянина на своемъ захудаломъ хуторкѣ, пока преобразованное въ 1917 году земство не призвало его на постъ предсѣдателя Ставропольской уѣздной земской управы.

Послѣ разгона земства большевиками, въ 1918 году, Н. Н. Безмѣновъ вновь вернулся къ себѣ на хуторъ и уже не игралъ никакой роли въ протекавшихъ перипетіяхъ борьбы, хотя популярность его среди крестьянскаго населенія была равноцѣнна ненависти окружавшихъ его хуторокъ сосѣдей-тавричанъ.

Уже въ дни добровольцевъ, осенью 1918 года, къ нему на хуторъ ворвалась группа военныхъ, выволокла на дворъ усадьбы, поставила къ «стѣнкѣ», но жена Безмѣнова, еще не оправившаяся отъ родовъ, умолила на этотъ разъ офицеровъ пощадить жизнь мужа. Безмѣнова бросили, раздробивъ ему 2 ребра и изувѣчивъ прикладами.

Жена и ребенокъ Безмѣнова вскорѣ послѣ этого случая скончались. Это было еще не все.

Весной 1919 года я получилъ телеграмму отъ И. Н. Безмѣнова, умолявшаго предотвратить военную расправу надъ его братомъ, увезеннымъ офицерами въ сел. Петровское.

Я снесся по телефону съ губернаторомъ Валуевымъ и, когда прибылъ къ нему по его приглашенію, узналъ слѣдующія подробности этого бытового дѣла.

Въ Ставропольскую губернію случайно забрела изъ Астраханскихъ степей заблудившаяся часть какого-то полка.

Землевладѣльцы, во время совмѣстной пирушки съ офицерами этой части, жаловались на безпокойное сосѣдство социалиста Безмѣнова. Офицеры распорядились заарестовать Н. Н. Безмѣнова; тутъ же, на залитомъ напитками столѣ, былъ написанъ приказъ объ учрежденіи военно-полевого суда и о преданіи ему Н. Н. Безмѣнова.

Чуть ли не за этимъ же столомъ ночью Н. Н. Безмѣнова осудили къ повѣшенію и, занявъ телеграфъ и телефонъ военнымъ патрулемъ, чтобы вѣсть объ этой расправѣ не проникла въ городъ, на утро Безмѣнова казнили.

Послѣ этого заблудившаяся часть вновь откочевала въ Астраханскія степи, скрывшія въ своихъ пескахъ имена участниковъ этого ночного дѣла.

Вотъ и все.

Читатель задастъ, пожалуй, вопросъ: не спуталъ ли я даты? Можетъ быть, это было въ дни владычества красныхъ? Можетъ быть, эту расправу надъ обломкомъ дворянскаго рода, надъ предсѣдателемъ земской управы, сотворила красная банда «товарища Трунова»?

Нѣтъ, это была воинская часть, подъ предводительствомъ людей, носящихъ офицерскіе погоны.

Я срочно донесъ по телеграфу въ Управление Юстиціи объ этомъ дѣлѣ. Позднѣе ген. Валуевъ, рассказывая объ этой пьяной «шалости» прибывшему прокурору палаты, добавилъ, что окрестные крестьяне совершаютъ паломничество къ мѣсту казни Николая Николаевича Безмѣнова.

*

*

*

На первый день Пасхи, въ 1919 году, выходя изъ своей квартиры, я услышалъ неподалеку два выстрѣла, вслѣдъ за которыми изъ лежащаго наискось дома тавричанина К. Н. Барабаша кто-то выскочилъ съ крикомъ: доктора, доктора!

Предчувствуя несчастье, я бросился въ домъ Барабаша. На верандѣ, съ открытой дверью изъ столовой, я наткнулся на кровоточащее тѣло крупнаго мужчины. У перилъ веранды стоялъ молодой офицеръ, съ револьверомъ въ рукѣ, встрѣтившій меня словами:

— Ну, чего тамъ! Пускай не лопочеть на своей «собачьей мовѣ».

Въ дверяхъ столовой толпились гости К. Н. Барабаша, часть ихъ продолжала трапезу за столомъ. Прибывшій одновременно со мною врачъ констатировалъ смерть раненаго.

Пока я послалъ за слѣдователемъ и комендантскимъ адъютантомъ и прибыли чины стражи, я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Къ убитому подошелъ хозяинъ дома, отецъ убійцы, и, покачиваясь на пьяныхъ ногахъ, обратился къ покойному:

— Что, братъ, каюкъ? Не лѣзь не въ свое дѣло...

Въ это время въ дверяхъ появилась бойкая барышня и, обращаясь къ вышедшимъ на веранду гостямъ, укоряла ихъ:

— Ну, что вы право. Успѣете на «это» насмотрѣться. Кушанье остынетъ!

Допросъ свидѣтелей, происходившій въ моемъ присутствіи, нарисовалъ такую обстановку убійства.

Въ этотъ день Св. Пасхи у родоначальника «тавричанской» династіи К. Н. Барабаша собрались гости, въ числѣ которыхъ былъ родственникъ хозяина М. И. Барабашъ и пришедшій съ нимъ крупный Екатеринославскій помѣщикъ Кордубанъ, дальній родственникъ другой Ставропольской династіи Кордубановъ.

Танцевали подъ звуки непремѣнной у тавричанъ гармоникки, выпивали и вели въ привычныхъ формахъ бесѣду.

За столомъ присутствовало и полковое начальство сыновей хозяина, офицеровъ.

— А что, собачій сынъ, заплатишь ты мнѣ по векселю? — обратился хозяинъ К. Барабашъ къ своему гостю М. Барабашу.

— Что это вы, дядюшка, только для такихъ дурацкихъ разговоровъ меня и пригласили?

— Вотъ ты какъ, — подскочилъ къ гостю офицеръ, сынъ хозяина, и ударилъ М. Барабаша по лицу.

М. Барабашъ схватилъ со стола бутылку и швырнулъ ею въ обидчика, но тотъ успѣлъ выскочить на веранду и бутылка пробила лишь дверное стекло.

Екатеринославскій гость Кордубанъ, рассказывавшій передъ тѣмъ объ «Екатеринославщинѣ», принялъ сторону обиженнаго гостя и вышелъ на веранду, убѣждая офицера Барабаша «помириться» съ обиженнымъ гостемъ.

Офицеръ Барабашъ выхватилъ револьверъ и со словами: и ты туда же? — двумя выстрѣлами въ упоръ уложилъ своего гостя.

Версія объ «украинской мовѣ» пришла ему въ голову нѣсколько позднѣе.

По окончаніи допроса свидѣтелей я высказалъ слѣдователю мнѣніе о необходимости безусловнаго содержанія убійцы подѣ стражей.

При ближайшей встрѣчѣ ген. Валуевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, настаиваю ли я въ отношеніи офицера Барабаша на высшей мѣрѣ пресѣченія, и при этомъ пояснилъ:

— Видите ли, офицерство возмущено содержаніемъ подѣ стражей Барабаша и ко мнѣ поступила, за многими подписями, петиція, аттестующая Барабаша, какъ

примѣрнаго офицера, защищавшаго въ этомъ столкновеніи съ оружіемъ въ рукахъ и честь офицерскаго мундира, и идеи Добр. арміи.

Я разсказалъ А. М. Валуеву подробности этой «защиты чести офицерскаго мундира и идей Добр. арміи», добавивъ при этомъ, что полковое начальство Барабаша присутствовало при этой «защитѣ», и ген. Валуевъ не удержался отъ весьма рѣзкаго восклицанія по адресу петиціонеровъ.

Производившій слѣдствіе В. Н. Яроцкій привелъ въ своемъ заключительномъ постановленіи подробный служебный формуляръ офицера Барабаша, главная служба котораго, въ сущности, протекала въ полковой лавочкѣ, гдѣ онъ не безъ пользы для себя спекулировалъ напитками и деликатессами.

Тѣмъ не менѣе, аттестація своей цѣли достигла и нормальное наказаніе Барабашу по ходатайству военнаго суда было замѣнено разжалованіемъ въ солдаты, а затѣмъ Барабашъ вновь былъ восстановленъ въ офицерскомъ званіи.

Я разсказалъ объ этомъ бытовомъ тавричанскомъ дѣлѣ для того, чтобы судить, каковы нравы могли быть въ тѣхъ отрядахъ «имени Ставропольскаго губернатора», которые слыли въ населеніи подъ названіемъ «тавричанскихъ».

* * *

Ставропольскій хлѣботорговецъ Г. повѣдалъ мнѣ въ моемъ прокурорскомъ кабинетѣ слѣдующую печальную повѣсть.

Въ разгаръ большевистскаго террора на территоріи Кавказскихъ минеральныхъ водъ, его дочь — дѣвушка Р. Г. — бѣжала съ нѣсколькими офицерами оттуда въ Ставрополь, уже занятый добровольческими частями.

Вхвать приходилось на лошадахъ черезъ красно-армейскіе кордоны и села, гдѣ митинговали красные, призывая населеніе на фронтъ противъ бѣлыхъ.

Спасая себя и своихъ спутниковъ, Г. въ критическіе моменты выступала на митингахъ, заявляя себя большевичкой, вѣдущей съ «товарищами» по особо важному порученію. Въ концѣ концовъ, она благополучно добралась вмѣстѣ съ офицерами до Ставрополя.

Тамъ, по рапорту своего спутника, офицера Б., она была арестована, предана полевому суду и казнена.

По словамъ ся отца, въ ночь передъ казнью, въ помѣщеніе, гдѣ она содержалась, явился одинъ изъ ея судей.

— Что, барышня, скоро подвѣсятъ... Страшно, небось? А хорошенькая! Глазки-то какіе! Небось, кто-нибудь цѣловалъ ихъ? Ну, поцѣлуй меня...

Черезъ нѣсколько часовъ Г. была повѣшена на опушкѣ лѣса...

* * *

Я знаю, какіе упреки по моему адресу можетъ вызвать эта часть моихъ воспоминаній.

Но, когда я взялся за перо, я далъ обѣщаніе своей совѣсти человека, много вѣрившаго, много пережившаго, не скрыть ничего изъ этихъ ужасовъ, задавившихъ своею тяжестью общерусское идейное дѣло.

Вѣдь «диктатура» этого быта была такъ неотвратимо жизненна, что даже ген. А. И. Деникину въ моменты, когда онъ слышалъ «заглушенный сухой трескъ одиночныхъ выстрѣловъ», творящихъ расправу, оставалось только молиться:

— «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ*».

А между тѣмъ, эти «заглушенные» выстрѣлы наносили смертельныя раны не только тѣлу невинно-убиенныхъ, но и самому дѣлу Добровольческой Арміи.

XXVII.

Уходъ ген. Валуева. Запросъ Управленія Юстиціи. Мой переходъ въ магистратуру. Административная юстиція въ толкованіи 1-го департамента. По аналогіи съ губернскими учрежденіями. На усмотрѣніе. «Онъ въ погонахъ». Соблюденіе не обязательно. Совѣщаніе по вопросу о введеніи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава о пак.

Назначеніе послѣ ген. П. В. Глазенапа на губернаторскій постъ ген. А. М. Валуева, имѣвшаго большой административный стажъ, и гражданскаго вице-губернатора — было уже движеніемъ впередъ.

Какъ я указывалъ выше, ген. Валуевъ взялъ правильный курсъ въ пресѣченіи должностнаго своевольтва и велъ усиленную борьбу съ разнузданностью военныхъ нравовъ, поскольку эта борьба была тогда возможна.

Но чиновничество не любило ген. Валуева. Оно не могло простить ему такихъ, съ точки зрѣнія чиновника, чудачествъ, какъ пріемъ просителей съ 6 час. утра, доступность генерала, приглашеніе имъ въ день Св. Пасхи всѣхъ желающихъ посѣтить его, безъ различія вѣроисповѣданія и положенія и пр.

— Демагогія! — слышалось нерѣдко въ канцеляріяхъ и пріемныхъ, привыкшихъ къ иному обхожденію начальства.

Пробылъ ген. Валуевъ очень недолго на губернаторскомъ посту и, послѣ его попытки нормировать отношенія между рабочими и работодателями, телеграфнымъ распоряженіемъ ген. Лукомскаго ему было приказано срочно сдать должность и выѣхать изъ Ставрополя.

Не долго пробылъ и я на прокурорскомъ мѣстѣ.

Однажды, за подписью завѣдующаго отдѣломъ личнаго состава Управленія Юстиціи г. Ясинскаго, я получилъ довѣрительное письмо, въ которомъ мнѣ сообщалось о желаніи начальника управленія В. Н. Челищева имѣть отъ меня письменное подтвержденіе, что я не состою ни въ какой партійной организаціи.

Въ качествѣ мотивовъ этого пожеланія указывалось, что мое имя фигурировало въ партійномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе, о чемъ въ Управленіи Юстиціи имѣются свѣдѣнія.

Я отвѣтилъ непосредственно В. Н. Челищеву, приложивъ къ письму прошеніе объ отставкѣ.

Встрѣченный вскорѣ мною, на происходившемъ въ Ставрополѣ помѣстномъ церковномъ соборѣ, бар. А. В. Врангель, близкій къ министерскимъ сферамъ, передалъ мнѣ просьбу В. Н. Челищева не придавать такого значенія этому запросу и предупредилъ о желаніи министерскихъ сферъ уберечь меня отъ генеральскаго натиска за барьеромъ несмѣняемой магистратуры.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣдовало на мое имя телеграфное предложеніе занять освободившееся мѣсто товарища предсѣдателя окружнаго суда по административному отдѣленію и я, вопреки уговорамъ прокурора палаты, покинулъ постъ прокурора въ Ставрополѣ.

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской Смуты». Т. II, стр. 243.

Служба въ органахъ административной юстиціи, призванной во всеоружіи судебныхъ гарантій разрѣшать споры о правѣ между населеніемъ и властью, привлекала меня со времени введенія въ полномъ объемѣ административной юстиціи въ Россіи. Я придавалъ этой работѣ большое воспитывающее значеніе.

Къ тому же, я не утратилъ все еще тогда вѣры, что царящій хаосъ есть явленіе скоропреходящее и временное, что вложенная въ русло мирной эволюціи жизнь унесетъ безъ возврата всю хлестаковщину и накипь, всплывшія въ котлѣ гражданскаго междуусобія, и близко время мирнаго гражданскаго творчества, къ огражденію молодыхъ правъ котораго должны быть призваны стойкія культурныя силы.

Но скоро мои судейскіе навыки получили ударъ со стороны, откуда я меньше всего его ожидалъ.

Административнымъ отдѣленіемъ окружнаго суда были получены два указа сената по 1-му департаменту, изъ которыхъ явствовало, что вся природа преобразования административной юстиціи, которое внесъ въ существо послѣдней законъ 30 мая 1917 года, введя административный судъ въ систему общей судебной власти, сдѣлавъ административное правосудіе неотъемлемой частью единаго общаго суда, — что вся эта «великая реформа» административной юстиціи правовымъ признаніемъ г. г. сенаторовъ не пріемлется и они продолжаютъ трактовать административный судъ по аналогіи съ отжившимъ губернскимъ присутствіямъ.

Составъ отдѣленія суда былъ смущенъ такимъ толкованіемъ закона 30 мая, но прежде, чѣмъ ставить этотъ вопросъ оффиціально, я пошелъ переговорить съ председателемъ суда К. И. Телятниковымъ, высказавъ ему приведенныя выше соображенія о существѣ конструкціи административнаго суда.

К. И. Телятниковъ посовѣтовалъ мнѣ повременить, пока онъ снесется частнымъ образомъ чрезъ и. д. председателя палаты К. Н. Марка, не произошло ли простой описки въ указахъ сената.

И. д. старшаго председателя палаты К. Н. Маркъ въ письмѣ отъ 1 ноября 1919 г. увѣдомилъ, что въ сенатѣ «дѣло это вызвало смущеніе и на 5 ноября назначено совѣщаніе по поводу этого дѣла».

Но «смущеніе» г. г. сенаторовъ быстро прошло и въ письмѣ отъ 5-го ноября К. Н. Маркъ уже писалъ К. И. Телятникову:

«Мнѣ сообщили изъ 1 департамента, что различій между дѣлами, рассмотрѣнными судомъ по существу или въ апелляціонномъ порядкѣ, Сенатъ не дѣлаетъ въ смыслѣ постановленій резолюцій, и въ томъ, и въ другомъ, въ случаяхъ признанія неправильностей, выносятся резолюціи объ отмѣнѣ рѣшеній и возвращаются для новаго рассмотрѣнія; требованій объ измѣненіи состава (суда) не можетъ быть поставлено по административнымъ дѣламъ по аналогіи съ губернскими учрежденіями»...

Такимъ образомъ, «аналогія» съ почившими въ Бозѣ дореформенными учрежденіями не оставляла уже сомнѣній.

Послѣ этого я обратился уже съ представленіемъ въ управленіе юстиціи о направленіи этого вопроса въ порядкѣ 259¹ ст. учрежд. суд. устан.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ мнѣ припоминается слѣдующій рассказъ В. Н. Челищева изъ его оберъ-прокурорской практики, когда сенатъ размѣщался въ Ялтѣ.

Въ сенатъ поступило отъ Главнокомандующаго бар. Врангеля «по принадлежности» прошеніе, если не ошибаюсь, ген. Климовича, о возстановленіи его въ сенаторскихъ правахъ, утраченныхъ въ силу закона отъ 26 декабря 1916 года, т. е. закона императорской даты.

Сенатъ уклонился отъ разрѣшенія вопроса по существу и опредѣлили вопреки оберъ-прокурорскому заключенію предоставить разрѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію (!) Главнокомандующаго.

Слѣдуетъ признаться, что давленіе военнаго усмотрѣнія чувствовалось ощутительно, и не всегда можно было предвидѣть апельсиновую корку, о которую поскользнешься.

Помню, вызванный срочно въ Ростовъ, я получилъ разрѣшеніе коменданта, за отсутствіемъ другихъ служебныхъ мѣстъ, занять мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ.

У входа въ вагонъ офицеръ, провѣрившій комендантскіе ярлычки, потребовалъ у меня «документъ о личности». Просмотрѣвъ мое служебное удостовѣреніе, онъ заявилъ:

— Васъ допустить въ вагонъ я не могу.

И обратился къ стоявшему за мной претенденту:

— А вы кто такой?

— Капельмейстеръ такого-то оркестра.

— Пожалуйте.

— Почему же мнѣ тогда нельзя? — спросилъ я.

— Онъ въ погонахъ, а вы?

И онъ недоумѣвающе-удивленно вздернулъ плечами.

Противъ такого аргумента возражать въ тѣ времена не приходилось.

Это вскидываніе плечъ, отягченныхъ погонами, поднималось значительно выше перрона железнодорожнаго вокзала.

«Собственно, мы, штатскіе люди, — указываетъ близкій къ главному командованію К. Н. Соколовъ*, — никогда не пользовались полноправнымъ положеніемъ въ системѣ нашей правительственной іерархіи, и наше управленіе было, по преимуществу, управленіемъ черезъ генераловъ».

Это «управленіе черезъ генераловъ» властно вторгалось въ жизнь гражданскихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и въ вѣдомство юстиціи — и въ тѣ времена, когда во главѣ юстиціи стоялъ ген. А. С. Макаренко и когда на смѣну послѣднему пришелъ испытанный судебный дѣятель В. Н. Челищевъ.

Ко мнѣ, когда я былъ прокуроромъ, поступило свыше предложеніе о возбужденіи, съ устраненіемъ отъ должности, преслѣдованія противъ предсѣдателя Александровскаго сѣзда мировыхъ судей Ф. Л. Есаулова.

Я принужденъ былъ отвѣтить, что затрудняюсь исполнить это предложеніе, въ силу существующаго порядка, требующаго санкціи соединеннаго присутствія сената, предварительно уголовной репрессіи въ отношеніи судей, по классу же должности преслѣдованіе должно получить инициативу отъ прокурора палаты.

Въ отвѣтъ я получилъ разъясненіе, что соблюденіе этого порядка необязательно, въ виду состоявшейся уже резолюціи ген. А. М. Драгомирова о преданіи суду и устраненіи Ф. Л. Есаулова**.

Въ эти дни «управленія черезъ генераловъ» стало возможнымъ внесеніе по предложенію свыше на обсужденіе общихъ собраній окружныхъ судовъ такихъ, напримеръ, вопросовъ, какъ вопросъ о цѣлесообразности или нецѣлесообразности существованія суда присяжныхъ засѣдателей.

* К. Н. Соколовъ. «Управленіе ген. Деникина», стр. 79.

** Въ связи съ этимъ, въ памяти моей встаетъ эпизодъ изъ давно прошедшихъ временъ, когда даже вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, будучи Кавказскимъ намѣстникомъ, не посягнулъ устранить члена судебной магистратуры послѣ того, какъ ему было разъяснено требованіе закона на этотъ случай.

Прокуроръ палаты Н. С. Ермоленко рассказывалъ мнѣ о совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ, кажется, сенатора Романова, въ которомъ онъ участвовалъ по должности прокурора.

Совѣщанію этому, состоявшему изъ судебныхъ дѣятелей, предложено было ни больше, ни меньше, какъ обсудить вопросъ о возможности примѣненія въ гражданскихъ судахъ смертной ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ.

Единодушный отрицательный отвѣтъ собравшихся вызвалъ, какъ передавалъ Н. С. Ермоленко, нервное восклицаніе предсѣдательствующаго:

— Такимъ отношеніемъ къ предложенію военныхъ сферъ вы ставите, господа, подъ угрозу и самое существованіе гражданской юстиціи.

Но въ судебномъ вѣдомствѣ, къ счастью, это давленіе атмосферы военныхъ обстоятельствъ все еще встрѣчало сопротивленіе судейской независимости и преданности судебнымъ уставамъ 1864 года, что нерѣдко давало поводъ въ военномъ пониманіи судейскую независимость подводить подъ понятіе мятежной самостійности.

XXVIII.

Переломъ на фронтѣ. Ноябрьскія событія въ Екатеринодарѣ. Ген. В. Л. Покровскій. «Моральные предразсудки». Разгромъ Рады.

Въ октябрѣ 1919 года начался переломъ военнаго счастья на фронтѣ, принявшій скоро грозныя формы стремительнаго отхода арміи. Почти одновременно разыгрались въ Екатеринодарѣ событія, завершившіяся казнью Калабухова и разгромомъ Кубанской Краевой Рады.

Событія эти, завершавшія долгую, обостренную тяжбу Главнаго командованія съ Кубанскимъ казачествомъ въ трагическіе дни развала фронта, до сихъ поръ не получили полнаго освѣщенія и, больше того, лицами, которыя могли бы пролить свѣтъ на эти событія, какъ бы намѣренно приспускается надъ ними занавѣсъ.

Помощникъ Главнокомандующаго ген. А. С. Лукомскій, доведя свои воспоминанія до перемѣщенія ген. П. Н. Врангеля на постъ командующаго Добровольской Арміей, дѣлаетъ сноску: «При описаніи этого періода я совсѣмъ не касаюсь событий, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не знаю, такъ какъ указанія были даны генералу Врангелю непосредственно генераломъ Деникинымъ»*.

Бытописатель «Правленія ген. Деникина», проф. К. Н. Соколовъ, идетъ еще дальше. Озаглавивъ главу десятую своихъ воспоминаній «Кубанское дѣйство», онъ ставитъ подъ этимъ заглавіемъ рядъ точекъ, а набранный петитомъ сноску заканчиваетъ словами:

«Подробности «Кубанскаго дѣйства», вокругъ котораго накопилось много легендъ, едва ли сейчасъ могутъ быть оглашены»**.

Между тѣмъ, «легенды эти», надо это признать, ускорили развязку и безъ того быстро развивавшейся трагедіи на югѣ***.

* «Архивъ Русской Революціи», т. V, стр. 134.

** К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», стр. 199.

*** По словамъ Г. Раковского («Въ станѣ бѣлыхъ», стр. 32) Командующій Донской арміей ген. В. И. Сидоринъ еще въ моментъ Харьковскаго совѣщанія, 2 ноября 1919 года, выразилъ ген. А. И. Деникину опасеніе, что неосторожныя дѣйствія Врангеля и Покровскаго на Кубани могутъ роковымъ образомъ отразиться на фронтѣ. Ген. И. П. Романовскій тогда успокоилъ ген. Сидорина заявленіемъ, что ничего серьезнаго нѣтъ и никакихъ осложненій на Кубани не произойдетъ.

25 октября 1919 года ген. Деникинъ телеграфировалъ ген. Врангелю:

«Въ іюльѣ текущаго года между Правительствомъ Кубани и меджлисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача Кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе меджлиса, чѣмъ обрекается на гибель терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Калабуховымъ и Намитковымъ съ одной стороны — и Чермоевымъ, Гандаровымъ, Хадзараговымъ, Бамматовымъ съ другой стороны. Приказываю: при появленіи этихъ лицъ на территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи немедленно предать ихъ военно-полевому суду за измѣну».

Кубанскій край былъ включенъ въ тыловой районъ Кавказской арміи и произвести «Кубанское дѣйство» было поручено ген. В. Л. Покровскому.

Кубанскій атаманъ ген. Филимоновъ и Краевое Правительство, въ лицѣ его предѣдателя Курганскаго, телеграфировали по этому поводу ген. Врангелю:

«Кубанскій войсковой атаманъ и Кубанское Краевое Правительство категорически заявляютъ, что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ меджлисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномачивало.

Лица, перечисленные въ телеграммѣ Главнокомандующаго — Бычъ, Намитковъ, Савицкій и Калабуховъ были делегированы Кубанской краевой радой, а первые два и кубанскимъ правительствомъ.

Правительство послало своихъ делегатовъ, какъ представителей, въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову, а также для защиты интересовъ Кубани предъ мирной конференціей и для информации.

Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ меджлисомъ горскихъ народовъ, о чемъ Краевому Правительству по сіе время официально неизвѣстно, то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого Правительства и существо договора сужденію Кубанской Краевой Радой, на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится.

Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковыя пользуются неприкосновенностью, почему, въ случаѣ совершенія ими незаконныхъ дѣйствій, могутъ подлежать суду только Кубанской краевой власти, ихъ делегировавшей.

Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военно-полевому суду является нарушеніемъ правъ Кубанской краевой власти, глубоко оскорбляетъ правосознаніе Кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніи народа и фронта.

Сыны Кубани не запятнали себя измѣной, а принесли и несутъ наибольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи.

Кубань въ правѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства, въ виду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и въ виду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей».

31 октября послѣдовала новая телеграмма Главнокомандующаго на имя генерала Врангеля:

«Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое № 16729 и принять по Вашему усмотрѣнію все мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ вашъ армейскій районъ».

Генералъ В. Л. Покровскій прибылъ въ Екатеринодаръ.

Генераль Деникинъ теперь, промѣнявъ мечъ на перо, даетъ такую характеристику этому молодому офицеру-летчику, впоследствии произведенному въ генеральскій чинъ.

— «Покровскій былъ молодецъ, малаго чина и военного стажа, и никому не извѣстенъ. Но проявлялъ кипучую энергію, былъ смѣль, жестокъ, властолюбивъ и не очень считался съ «моральными предразсудками». Одна изъ тѣхъ характерныхъ фигуръ, которыя въ мирное время засасываются тиной уѣзднаго захолустья, а въ смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни...»*

Вотъ такому-то смѣлому, жестокому, властолюбивому и не очень считавшемуся съ «моральными предразсудками» генералу и было дано деликатное порученіе привести въ порядокъ Кубань, территорія которой, предвидѣлось, можетъ стать ареной послѣдней схватки съ красной арміей, «психологической» позиціей этой борьбы.

Генераль Покровскій предъявилъ Кубанскому атаману списокъ 30—40 кубанцевъ, съ Калабуховымъ во главѣ, подлежащихъ немедленному задержанію по настоянію ген. Деникина.

— Пригласите ихъ къ себѣ на совѣщаніе — предложилъ ген. Покровскій атаману, гарантируя съ своей стороны неприкосновенность лицамъ, явившимся во дворецъ атамана на совѣщаніе.

По разсказу атамана, въ 7 часу вечера онъ услышалъ топотъ ногъ по лѣстницѣ и, выйдя изъ кабинета, увидѣлъ поднимающуюся группу вооруженныхъ офицеровъ, съ ген. Покровскимъ во главѣ.

— Что это означаетъ? — спросилъ атаманъ ген. Покровскаго.

— Я рѣшилъ арестовать при выходѣ всѣхъ этихъ господъ и мною уже данъ соответствующій приказъ гвардейскому дивизиону окружить этотъ домъ.

— Но вѣдь вы дали мнѣ слово не дѣлать этого?

— Я далъ слово, а теперь беру его обратно**.

Вторично ген. Покровскій далъ «слово» не вѣшать Калабухова до переговоровъ делегаціи, избранной Радой, съ ген. Деникинымъ. Однако, когда избранная Радой делегація обратился со своимъ ходатайствомъ къ ген. Деникину, тотъ отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, уже поздно: приговоръ приведенъ въ исполненіе***.

По разсказу близкаго къ ген. П. Врангелю г. В. фонъ Дрейера, Главное Командованіе, не вѣря въ надежность строевыхъ казаковъ, которымъ была поручена ликвидація «спора» съ кубанцами, сформировало въ Екатеринодарѣ офицерскій отрядъ до 200 человекъ, поручивъ его вѣдѣнію полк. Кубанскаго войска Карташева, извѣстнаго своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ самостійникамъ****.

Въ ночь на 5 ноября полк. Карташевъ уже занялъ офицерскими заставами вокзалъ, главныя площади и окружилъ караулами съ пулеметами зданіе Краевой Рады*****.

Начальникъ отдѣла пропаганды въ Кубанской обл., полк. У., разсказалъ мнѣ, что къ нему, въ Екатеринодарѣ, ночью явилась группа офицеровъ и, предъявивъ за подписью ген. Лукомскаго распоряженіе о полномъ содѣйствіи «подателямъ сего», потребовала у полк. У. содѣйствія для задержанія нѣсколькихъ десятковъ кубанцевъ членовъ Рады, списокъ которыхъ у офицеровъ имѣлся въ рукахъ.

* Ген. Деникинъ: «Очерки русской смуты», т. II, стр. 268.

** Ген. Филимоновъ: «Разгромъ Кубанской Рады». Арх. русской революціи, т. V, стр. 326.

*** Тамъ же.

**** Полк. Карташеву Кубанцы приписывали организацію вооруженнаго нападенія на квартиру одного изъ лидеровъ самостійниковъ П. Л. Макаренко, въ ночь на 8 іюня 1919 г.

***** Фонъ Дрейеръ: «Крестный путь во имя Родины», стр. 74.

Полк. У. отвѣтилъ, что безъ подтвержденія достовѣрности подписи и характера порученія, онъ затрудняется выполнить это требованіе, но затѣмъ, получивъ къ своему удивленію подтвержденіе подписи и даннаго за этой подписью порученія, отбылъ въ ставку лично доложить о томъ, что предполагается учинить въ Екатеринодарѣ.

Не берусь судить, кто правъ: полковникъ ли У., рассказывавшій мнѣ это, или ген. Лукомскій, не касающійся въ своихъ воспоминаніяхъ этихъ событій, ибо въ его распоряженіи «нѣтъ никакихъ документовъ, подробностей же онъ не знаетъ, такъ какъ указанія были даны ген. Врангелю непосредственно ген. Деникинымъ»*.

Но предоставимъ рассказъ о томъ, что произошло, самому ген. Покровскому. Вотъ что онъ доносилъ ген. Врангелю 6 ноября 1919 года.

«Ультиматумъ былъ мною предъявленъ вчера, срокъ истекалъ къ 12 час. дня. Сущность ультиматума вамъ извѣстна. Отъ 9¹/₂ до 12 велась торговля. На совѣщаніи у атамана присутствовали: Сушковъ, Скобцовъ, Горбунинъ, оба Успенскіе и еще какой-то членъ, не помню. Всѣ уговаривали меня, во избѣжаніе кровопролитія, отказаться отъ своихъ требованій и убѣждали дать согласіе на посылку делегаціи Главкому.

Въ виду полной неприемлемости и явно намѣренной оттяжки я къ 12 ч. отказался продолжать переговоры и направился къ войскамъ.

Въ этотъ моментъ совѣщаніе признало необходимымъ выдать мнѣ Калабухова, котораго я арестовалъ и отправилъ къ себѣ на квартиру.

Тутъ же совѣщаніе по вопросу о выполненіи моего второго требованія, — выдачи лидеровъ самостійниковъ, — постановило ѣхать въ Раду и требовать отъ нихъ сдачи.

Прибывъ къ войскамъ, я былъ встрѣченъ ими криками: ура. Мною былъ посланъ въ Раду офицеръ, передавшій президіуму мое требованіе немедленно выдать мнѣ лидеровъ и собрать таманскій дивизионъ охраны Рады для сдачи оружія.

Въ виду затяжки отвѣта и истечения срока, мною была введена въ Раду сотня для занятія карауловъ и разоруженія таманцевъ. Противъ Рады была выстроена также сотня.

Въ періодъ процесса безболѣзненнаго разоруженія, ко мнѣ стали являться самостійники, которые тутъ же арестовывались и отправлялись во дворецъ.

Рада реагировала на всѣ требованія сочувственно.

Въ данный моментъ у меня въ квартирѣ сидятъ: Петръ Макаренко, Омельченко, Воропиновъ, Манжула, Роговецъ, Феськовъ, Подтопельный, Жукъ, Балабасъ и братъ Рябовола**. Иванъ Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнѣйшіе аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты подъ стражу.

Рада выбрала делегацію для посылки Главкому съ изъявленіемъ покорности и декларативнымъ заявленіемъ объ ориентаціи за Единую Россію. Делегация сидитъ у меня.

Обратный мой приѣздъ во дворецъ сопровождался криками «ура» всего населенія. Повидимому, — сочувствіе полное.

Убѣдившись въ безболѣзненномъ окончаніи операціи, атаманъ рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться у власти. Сочувствія этому со стороны политическихъ дѣятелей нѣтъ, — въ данное время общая ситуація не въ его пользу.

* Изъ воспоминаній ген. А. С. Лукомскаго. Арх. Русск. Рев., т. VI, стр. 134.

** Предсѣдателя Кубанской Рады, убитаго 13 іюня 1919 г. при загадочныхъ обстоятельствахъ въ Ростовѣ.

Послѣ окончанія разговора съ вами я соединяюсь со Ставкой, дабы мой послѣдующій, совмѣстный съ Филимоновымъ*, разговоръ со Ставкой, который я вынужденъ былъ ему обѣщать, не далъ бы смягчающихъ рѣшеній въ Ставкѣ».

7 ноября членъ Рады, Калабуховъ, былъ казненъ на Крѣпостной площади, остальные же арестованные члены Рады были высланы изъ предѣловъ территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

XXIX.

Переговоры о созданіи Южно-Русской власти. Открытіе засѣданій Верховнаго Круга. Совѣщаніе на ст. Тихорѣцкой. Соглашеніе съ Главнымъ Командованіемъ. Полоса бодрости и успѣховъ. Катастрофа съ копницей ген. Павлова и корпусомъ ген. Крыжановскаго. «Ставропольское направленіе».

Все болѣе ухудшавшееся положеніе на фронтѣ должно было, казалось бы, ускорить завершеніе переговоровъ о созданіи объединенной Южно-Русской власти.

Но переговоры между уполномоченными Главнаго Командованія и представителями Южно-Русской Конференціи казачьихъ областей, начавшіеся еще 5 сентября, тянулись и въ ноябрѣ, и въ декабрѣ и власть къ объединенію не приблизили.

Между тѣмъ Новочеркасскъ палъ въ первые дни Рождества, 26 декабря Ростовъ былъ оставленъ частями Добровольческаго корпуса, и лавина красныхъ подкатывалась все ближе и ближе.

5 января 1920 года въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека.

Въ «положеніи», принятомъ 12 января, Верховный Кругъ такъ опредѣлилъ свои задачи:

— «Мы, избранники Донскаго Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терскаго Большаго Войскового Круга, въ тяжелый историческій моментъ, когда купленной потоками крови свободѣ и самому существованію всего населенія грозитъ гибель, собрались въ Екатеринодарѣ для организаціи рѣшительной борьбы противъ большевиковъ и очищенія отъ нихъ нашихъ территорій, защиты отъ разгрома нашихъ очаговъ, установленія внутренняго спокойствія и обезпеченія свободы и права, беремъ въ свои руки Верховную Власть по дѣламъ, общимъ для Дона, Кубани и Терека, и устанавливаемъ слѣдующее положеніе о Верховномъ Кругѣ:

1. Верховный Кругъ является полномочнымъ представительствомъ государственныхъ образованій Дона, Кубани и Терека и ставитъ себѣ задачей: а) установленіе Союзнаго Государства, составленнаго изъ указанныхъ выше территорій, съ возможностью расширенія предѣловъ Союзнаго Государства включеніемъ новыхъ областей, на основахъ союзной конституціи и по свободному волеизъявленію населенія тѣхъ областей и б) Созданіе Союзной власти.

2. Союзная конституція и союзная власть устанавливаются на время до созданія общегосударственной власти Всероссийскимъ Учредительнымъ Собраніемъ**.

Вечеромъ, 11 января была получена изъ ставки Главнокомандующаго телеграмма съ приглашеніемъ председателю Круга и его товарищамъ прибыть 12 января на ст. Тихорѣцкую для участія въ большомъ совѣщаніи, созванномъ по инициативѣ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина.

* Кубанскимъ атаманомъ.

** Протоколы засѣданій Верх. Круга отъ 10 и 12 января 1920 года.

На совѣщаніи этомъ* была сдѣлана послѣдняя попытка договориться, передъ лицомъ общей для всѣхъ угрозы, о созданіи объединенной власти на Югѣ Россіи. Послѣ солидарнаго выступленія военныхъ начальниковъ въ пользу объединенія вокругъ Главнаго Командованія, къ которымъ присоединились и Донской атаманъ А. Н. Богаевскій, и предсѣдатель Донскаго Круга В. А. Харламовъ, и предсѣдатель Донскаго Правительства Н. М. Мельниковъ, попытка эта имѣла свои результаты.

16 января, въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, войсковыхъ атамановъ и предсѣдателей правительствъ, генераль А. И. Деникинъ, выслушавъ привѣтствіе Верховнаго Круга, охарактеризовалъ стратегическое и политическое положеніе и изложилъ Кругу desiderata, на основаніи которыхъ онъ мыслить возсозданіе Россіи.

22 января Верховнымъ Кругомъ было поручено президіуму увѣдомить Главнокомандующаго о состоявшемся соглашеніи, а 23 января былъ принятъ текстъ воззванія**, въ которомъ между прочимъ говорилось:

«Мы, Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ошибки и преступленія, послужившія причиной недавней катастрофы на фронтѣ, не повторились, признали необходимымъ для блага народа и успѣха борьбы съ большевизмомъ установить и установили въ полномъ согласіи съ Главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россіи общую власть для всего Юга Россіи и единство командованія для всѣхъ армій, чтобы совмѣстными усиліями казачества, добровольцевъ и горцевъ сломить противника и развить наши успѣхи»...***

Выступленіе на другой день предъ Верховнымъ Кругомъ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина, выразившаго твердую увѣренность въ близкой побѣдѣ надъ большевиками въ случаѣ своевременнаго подхода Кубанской арміи, еще болѣе повысило настроеніе Верховнаго Круга, устроившаго ген. Сидорину бурную овацію и обѣщавшаго принять всѣ мѣры въ дѣлѣ оказанія поддержки фронту****.

Эти январскіе успѣхи на внутреннемъ и внѣшнемъ фронтѣ породили и въ широкихъ кругахъ населенія бодрую увѣренность, что не все еще потеряно, что побѣда возможна и близка при добромъ желаніи не повторять прежнихъ ошибокъ и при честномъ союзѣ военныхъ силъ съ гражданскимъ населеніемъ.

Но дни этой бодрости были быстротечны.

Послѣ неудачныхъ боевъ на Дону конницы Буденнаго и Думенко красное командованіе выработало новый планъ наступленія въ Ставропольскомъ направленіи и уже 29 января армія Буденнаго двинулась въ направленіи на Тихорѣцкую.

Конной группѣ ген. Павлова поручено было ликвидировать это движеніе ударомъ на Торговую и здѣсь на поляхъ, бывшихъ въ прошломъ году ареной побѣдоносныхъ боевъ ген. Врангеля, разразился въ началѣ февраля тяжелый ударъ надъ донскою конницей.

Въ рѣдкій на югѣ 24 градусный морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, десятитысячная группа ген. Павлова въ теченіе 4 дней обмерзала въ безлюдныхъ степяхъ Маныча, потерявъ въ этой борьбѣ со стихіей больше половины своего наличнаго состава.

* Въ совѣщаніи участвовали: Главнокомандующій ген. А. И. Деникинъ, начальникъ его штаба ген. И. П. Романовскій, Командующіе Донской и Кавказской арміями и Добровольческимъ корпусомъ, президіумъ Верховнаго и Войсковыхъ круговъ, атаманы и предсѣдатели правительствъ Дона, Кубани и Терека.

** Протоколы засѣданій Верховнаго Круга отъ 22 и 23 января.

*** Здѣсь, повидимому, имѣются въ виду крупныя успѣхи донцевъ и добровольцевъ въ бояхъ съ Думенко и Буденнымъ 15 и 16 января 1920 года.

**** Протоколъ засѣданія Верх. Круга отъ 24 января.

Почти одновременно, красными въ районѣ Бѣлой Глины и Песчанокопской были разгромлены только что сформированныя части кубанскаго корпуса ген. Крыжановскаго.

«Ставропольское направленіе» стало опять играть значительную роль.

XXX.

Агонія Ставрополя. Послѣдніе губернаторы и вице-губернаторы. Военная муштра служащихъ. Либо эвакуація — либо полевой судъ. Разстрѣль тюрмы. Паника въ городѣ. Полоса успокоенія. Вызовъ въ Екатеринодаръ.

Съ января 1920 года Ставрополь медленно агонизировалъ.

Губернаторствовалъ въ Ставрополѣ въ это время ген. Мустафинъ, но судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, бремя управленія дѣлилъ съ ген. Мустафинымъ и находившійся въ Ставрополѣ же Астраханскій губернаторъ Б. Э. Крыштафовичъ.

Вице-губернаторовъ тоже было нѣсколько, такъ что, помню, если получалось приглашеніе явиться къ губернатору, то обычно спрашивали.

— Къ какому: Ставропольскому или Астраханскому?

Если же вызовъ шелъ отъ вице-губернаторъ, то спрашивали:

— Брянчанинову, Шеншину или Попову?

Городъ былъ заполненъ бѣжавшими изъ уѣзда чинами государственной стражи, растерявшими свое начальство и искавшими руководства и указаній всюду, до земской управы, включительно, т. е. тамъ, гдѣ они его получить не могли.

Въ сферѣ политическаго розыска пріобрѣла вліяніе колоритная фигура полк. Будаговскаго, пытавшагося еще ранѣе ввести въ обиходъ ужъ слишкомъ упрощенныя приемы ущемленія.

Мнѣ, напримѣръ, пзвѣстенъ такой случай раскрытія въ Ставрополѣ «заговора».

Въ почтовой конторѣ было задержано письмо, адресованное, не помню сейчасъ кому, гласнымъ городской думы, адвокатомъ Е. А. Дементьевымъ.

Въ письмѣ этомъ, подписанномъ не только именемъ и фамиліей, но и отчествомъ Дементьева, разрабатывался подробный планъ возстанія въ Ставрополѣ, причемъ въ качествѣ руководителей возстанія указывались предсѣдатель правленія Союзъ-Банка Л. Г. Малій, Предсѣдатель Правленія кооператива И. П. Соколовъ и, не помню сейчасъ, кто еще.

Всѣ эти лица были арестованы, и началось сенсационное дѣло о мѣстномъ заговорѣ.

Къ счастью, въ производствѣ по дѣлу оказалось и подлинное письмо г. Дементьева, послужившее нитью къ раскрытію заговора, но нить эта оказалась производства совсѣмъ не г. Дементьева, что явно обнаружилось изъ сличенія почерковъ и наивнаго писарскаго текста письма.

Дѣло о «заговорѣ» было ликвидировано, а о приѣмахъ розыска было доведено до свѣдѣнія Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

На площадяхъ города шла пудная, опереточная муштра служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, наталкивавшая населеніе на мысль, что, вѣроятно, дѣла на фронтѣ ужъ очень не хороши, если пожилому члену суда или бухгалтеру казенной палаты приходится по утрамъ обучаться ружейнымъ приѣмамъ.

Въ концѣ января 1920 года и. о. Ставропольскаго вице-губернатора А. А. Поповымъ было издано отъ имени всеннаго губернатора слѣдующее оригинальное распоряженіе:

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Симъ объявляется, что, согласно распоряженію Ставропольскаго Военнаго Губернатора, всѣ служащіе Ставропольскаго Губернскаго Управленія, какъ состоящіе на государственной службѣ, такъ и по вольному найму, обязаны при эвакуаціи Губернскаго Управленія выѣхать изъ гор. Ставрополя, вмѣстѣ съ нимъ, въ противномъ случаѣ всѣ служащіе, оставшіеся въ гор. Ставрополѣ, безъ особаго на то распоряженія или разрѣшенія Военнаго Губернатора, будутъ имъ преданы военно-полевому суду. Лица, почему либо не могущія выѣхать вмѣстѣ съ Губернскимъ Управленіемъ, обязаны сего числа до 3 часовъ дня по мѣстному времени подать докладную записку Исп. об. Вице-Губернатора А. А. Попову объ увольненіи ихъ отъ службы съ возвращеніемъ полученнаго впередъ содержанія за три мѣсяца, при чемъ отъ А. А. Попова будетъ зависѣть удовлетворить или нѣтъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, въ зависимости отъ того, необходимо ли данное лицо для Губернскаго Управленія или же нѣтъ.

Подписаль: Исп. об. Ставропольскаго
Вице-Губернатора ПОПОВЪ.

28 января 1920 года.

Въ такомъ же порядкѣ въ концѣ января, подѣ окрики губернатора Мустафина и «добавочнаго» вице-губернатора Шеншина, эвакуировались и другія учрежденія, чины которыхъ, выброшенные безъ всякаго толку изъ Ставрополя, вмѣстѣ со своими семьями, сначала болѣли, голодали и мерзли въ нетопленныхъ вагонахъ*, а потомъ, переброшенные въ Новороссійскъ, принуждены были эвакуироваться дальше, — за предѣлы Россіи.

Казалось бы, дальше подобныхъ распоряженій г. г. Мустафиныхъ и Шеншинныхъ идти некуда. Но въ городѣ стали носиться слухи о готовящихся по завершеніи эвакуаціи разстрѣлѣ тюрмы и о разрушеніи городской электрической станціи и водопровода.

Воспользовавшись пріѣздомъ въ Ставрополь Командующаго Кубанской арміей ген. А. Г. Шкуро, городской голова довелъ до его свѣдѣнія объ этихъ волнующихъ населеніе слухахъ и получилъ отъ ген. Шкуро завѣреніе, что подобныя дѣйствія имъ, Командующимъ арміей, допущены не будутъ.

Но стоило только Командующему арміей отбыть изъ Ставрополя, какъ вице-губернаторъ Шеншинъ, вызвавъ въ губернаторскій домъ начальника окарауливающей тюрму воинской части, передалъ «словесное распоряженіе» Командующаго арміей ликвидировать ночью по списку содержащихся въ тюрмѣ арестантовъ.

Подъ утро населеніе было встревожено ружейными залпами, а затѣмъ быстро по городу разнеслась вѣсть о лежащихъ въ полѣ у Холоднаго Родника 60 или 80 еще теплыхъ труповъ.

Жители окраинъ бросились разыскивать родственниковъ среди безсудно казненныхъ. Нѣкоторые раненые сами приползли въ городъ и рассказали подробности этой кошмарной бойни.

Населеніе окраинъ, да и не только окраинъ, открыто посылало свои проклятія губернатору Мустафину и его сподвижникамъ, поставившимъ мирное населеніе подѣ угрозу возможной расправы за эту бойню при вступленіи въ городъ красныхъ, появленіе которыхъ въ городѣ мѣрами ставропольскихъ администраторовъ было ускорено.

* 30 января 1920 года я получилъ отъ предсѣдателя Ставропольскаго суда К. И. Телятникова такую телеграмму: «Сидимъ на ст. Армавиръ, нѣтъ дровъ, мерзнемъ. Переговорите съ губернаторомъ. Въ случаѣ возможности буду просить Предсѣдателя Правительства о возвращеніи суда въ Ставрополь».

Напряженное ожиданіе надвигающейся катастрофы было столь велико, что въ необычайнѣйшій бурянь, подъ вечеръ 6 февраля, началось, точно по сигналу, паническое бѣгство изъ Ставрополя.

Метель и паника достигли такихъ размѣровъ, что воинскіе, полицейскіе и бѣженскіе обозы заблудились уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, чтобы собраться — стали жечь имущество и подводы, изъ прилегающаго же лѣса хлопали выстрѣлы заблудившихся одиночекъ, усиливая еще больше панику.

Когда разсвѣло, городскія опытные поля и Грушевскій спускъ, гдѣ сбились съ дороги отступавшіе, представляли батальный пейзажъ, усѣянный разбитыми патронными ящичками, полуобгорѣлымъ имуществомъ и, увы, трупами уже окоченѣвшихъ людей.

Черезъ день въ станицѣ Сенгилеевской, куда собрались послѣ ночной паники воинскія части и бѣженцы, было получено извѣстіе, что тревога была преждевременной и въ Ставрополѣ сравнительно спокойно.

Воинскія части и полицейская стража начали возвращаться въ городъ.

Чуть ли не въ этотъ же день было получено сообщеніе о занятіи добровольческими частями Ростова, и наступило временное успокоеніе.

Въ качествѣ оставшагося въ Ставрополѣ старшаго чина окружного суда, я получилъ отъ военнаго губернатора «въ порядкѣ военнаго управленія» предложеніе приступить, вмѣстѣ съ оставшимися въ Ставрополѣ чинами судебного вѣдомства, къ исполненію необходимыхъ судебныхъ дѣйствій, вызываемыхъ требованіями жизни.

Не взирая на то, что распоряженіемъ того же военнаго губернатора судъ былъ эвакуированъ, — «мы приступили».

Но руководить этими дѣйствіями мнѣ пришлось недолго, ибо вскорѣ я получилъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова срочный вызовъ въ Екатеринодаръ для переговоровъ о моемъ вступленіи въ составъ Южно-Русскаго правительства.

XXXI.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ. На станціи Кавказской. Въ поѣздѣ ген. А. Г. Шкуро. Составъ Южно-Русскаго правительства. Беседа съ Н. М. Мельниковымъ и Н. В. Чайковскимъ. Приказъ объ утвержденіи въ званіи министра юстиціи.

Получивъ справку изъ штаба губернатора о сравнительно прочномъ положеніи Ставрополя, я выѣхалъ 15 февраля съ санитарной летучкой въ Армавиръ, чтобы оттуда пробираться къ Екатеринодару.

Изъ Армавира пришлось выѣхать только на другой день на развѣдочномъ паровозѣ, ибо на Кавказской происходило что-то непонятное и поѣзда въ томъ направленіи не шли.

Поздно вечеромъ паровозъ безъ огней подошелъ къ Кавказской. Тамъ царила мертвая тишина.

Въ залахъ станціоннаго зданія, на полу и сдвинутыхъ столахъ спали вповалку солдаты. У вокзала стоялъ наготовѣ сборный служебный поѣздъ, въ который перемѣстились и чины, обслуживающіе станцію. Желѣзнодорожные пути, обычно забитые составами, были пусты.

Мнѣ объявили, что незадолго до моего пріѣзда былъ отбитъ налетъ на станцію красныхъ и ожидается новый налетъ. На мой вопросъ, какъ мнѣ пробраться въ Екатеринодаръ, дежурный по станціи лишь развелъ беспомощно руками.

На мое счастье къ станціи подошелъ не ожидавшійся съ юга наливной поѣздъ. Я воспользовался этимъ подаркомъ судьбы и на утро 17 февраля выѣхалъ въ этомъ «экспрессѣ» до ст. Усть-Лабы, дальше которой поѣздъ не шель.

Въ Усть-Лабѣ, забитой формируемыми Кубанскими частями, находился штабъ Кубанскаго командарма. Тамъ мнѣ сказали, что съ минуты на минуту ожидается поѣздъ черезъ станцію ген. Шкуро.

Дѣйствительно, передъ вечеромъ къ станціи приблизился «train de luxe» ген. Шкуро съ собственной электрической станціей и оскаленными волчьими пастями на вагонѣ, гдѣ помѣщался Командующій.

Я былъ приглашенъ въ столовую ген. Шкуро, залитую, точно зала кинематографа, безчисленными лампіонами. По угламъ стояли прекрасныя чучела волковъ.

Во время обѣда я разсказалъ Командующему о Ставропольской бойнѣ арестованныхъ, произведенной будто бы по его распоряженію.

— Врутъ, — возмутился Шкуро. — Когда я тамъ былъ, мнѣ доложили, что тюрьма разбита на три категоріи: первую я приказалъ немедленно освободить, вторую въ послѣдній моментъ, а третью...

Генераль сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— То-есть, вывезти, — затѣмъ пояснилъ онъ. Это ужъ дѣло рукъ Мустафина и Шеншина.

— Да, кстати, — добавилъ Шкуро, вѣдь Ставрополь-то мы вчера сдали.

— Какъ сдали?

— Да, такъ — не выдержали вояки. Но не унывайте, скоро мы его опять отобьемъ.

Такимъ образомъ, я вторично оказался отрѣзаннымъ отъ родного угла и семьи, и на этотъ разъ уже на многіе годы.

Въ концѣ обѣда къ Командующему подошелъ штабъ-офицеръ съ раздаточной вѣдомостью.

— Благоволите, Ваше Превосходительство, расписаться въ полученіи содержанія.

— Сколько? — спросилъ ген. Шкуро.

Офицеръ назвалъ сумму.

— Столько-то? Не желаю. Дай карандашъ, такъ и напишу: не же-ла-ю! Что они смѣются, что-ли?

— Ваше Превосходительство, — вмѣшался пожилой генераль, начальникъ штаба арміи, — конечно, сумма для Васъ мизерна, но отчего бы Вамъ не роздать ее ну, хотя бы казачьимъ женамъ?

— А вѣдь правда, — согласился Шкуро, — дай резинку.

Ген. Шкуро расписался и принялъ пачку денегъ.

Начальникъ штаба попросилъ разрѣшенія Командующаго приступить къ докладу. Я откланялся и пошелъ на ночлегъ въ другой вагонъ попроще, наполненный — «до отказа» боевыми, истощенными офицерами.

---

18 февраля, по приѣздѣ въ Екатеринодаръ, я узналъ, что Совѣтъ Министровъ отбылъ въ Новороссійскъ для приѣма дѣлъ отъ прежнихъ Управленій, и воспользовался нѣсколькими днями до возвращенія Н. М. Мельникова, чтобы сколько-нибудь ориентироваться въ общемъ положеніи.

Въ Ставрополѣ въ послѣднее время мы жили обрывками случайно долетавшихъ до насъ слуховъ.

Наоборотъ, Екатеринодаръ, въ которомъ сходились линіи разнообразныхъ вліяній и въ которомъ, какъ въ Гамбургѣ, дѣлали политическую «луну», былъ первоисточникомъ и центромъ клокочущаго вулкана борьбы.

Здѣсь я впервые узналъ списокъ лицъ, частью уже вошедшихъ въ составъ правительства, частью предполагавшихся къ назначенію.

Въ составъ кабинета Н. М. Мельникова, — бывшаго передъ этимъ предсѣдателемъ Донского правительства, уже вошли: начальникъ штаба Донской арміи ген. А. К. Кельчевскій* — военнымъ и морскимъ министромъ, ген. Н. Н. Баратовъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, бывший комиссаръ Временнаго Правительства въ Ростовѣ В. Ф. Зеелеръ — внутреннихъ дѣлъ, Членъ Верховнаго Круга донецъ П. М. Агѣевъ — земледѣлія, проф. М. В. Бернацкій — финансовъ, кубанецъ Л. В. Звѣревъ — путей сообщенія, Новороссійскій общественный дѣятель Ф. С. Леонтовичъ — торговли и промышленности, бывший премьеръ Кубанскаго правительства Ф. С. Сушковъ — народнаго просвѣщенія и Кубанскій общественный дѣятель Н. С. Долгополовъ — здравоохраненія.

Предполагалось вступленіе въ составъ кабинета члена «Политическаго совѣщанія» въ Парижѣ Н. В. Чайковскаго — съ портфелемъ министра политическаго образованія, члена Кубанской Рады, Я. Л. Щупляка — министромъ продовольствія и Н. Г. Дитрихсона — Государственнымъ Контролеромъ**.

Такимъ образомъ, въ составѣ министровъ предполагалось предоставить наибольшее количество мѣстъ кубанцамъ: Ф. С. Сушковъ, Л. В. Звѣревъ, Н. С. Долгополовъ и Я. Л. Щуплякъ, три — донцамъ: Н. М. Мельниковъ, ген. А. К. Кельчевскій и П. М. Агѣевъ***, два — ставропольцамъ, и по одному терцамъ и черноморцамъ — ген. Н. Н. Баратовъ и Ф. С. Леонтовичъ.

Это былъ кабинетъ мѣстныхъ силъ съ преобладаніемъ представителей казачьихъ земель.

По конструкціи соглашенія Главнаго Командованія съ Верховнымъ Кругомъ, исполнительная власть Совѣта Министровъ, за исключеніемъ министровъ военно-морского и путей сообщенія, являлась отвѣтственной передъ Законодательной Палатой, подготовительныя мѣры по созыву которой въ спѣшномъ порядкѣ возлагались на временную законодательную комиссію.

Чтобы провѣрить, насколько конструкція достигнутаго соглашенія и персональный составъ кабинета отвѣчаютъ дѣйствительнымъ желаніямъ будирующаго казачества, я повидался съ нѣсколькими участниками Верховнаго Круга и, въ частности, съ предсѣдателемъ его, И. П. Тимошенко, котораго знавалъ еще въ Ставрополѣ въ 1906 году.

Мнѣ казалось, что сложившаяся военная обстановка, дѣлавшая территорію Ставрополя и Кубани ареной послѣдней рѣшительной схватки съ катящимся краснымъ валомъ, налагаетъ сугубую обязанность сосредоточенныхъ и искреннихъ дѣйствій всѣхъ борющихся силъ въ этотъ исключительно чреватый послѣдствіями моментъ, съ другой же стороны наличность достаточнаго числа бойцовъ и снаряженія и начавшіеся было успѣхи южныхъ армій — вселяли надежду въ возможность и необходимость объединеннаго напряженія воли къ побѣдѣ. На поставленный мною вопросъ, насколько казачество искренно пріемлетъ новую власть, И. П. Тимошенко отвѣтилъ:

* Во все время моего пребыванія въ составѣ Правительства ген. Кельчевскій находился на фронтѣ и его замѣщалъ въ военно-морскомъ вѣдомствѣ его помощникъ ген. В. Е. Вязмитиновъ.

** Назначеніе Н. Г. Дитрихсона, въ связи съ темпомъ событій, не состоялось.

*** Территориально къ донцамъ же примыкалъ и В. Ф. Зеелеръ, общественный дѣятель и комиссаръ Вр. Правительства въ Ростовѣ на Дону.

— Не раздумывайте и не откладывайте своего вхожденія въ кабинетъ. Будемъ всѣ вмѣстѣ работать*.

Окончательное рѣшеніе вышло у меня послѣ бесѣды съ вернувшимся изъ Новороссійска Н. М. Мельниковымъ, котораго я цѣнилъ и уважалъ, какъ безупречнаго дѣятеля крупнаго масштаба, и съ Н. В. Чайковскимъ, обаятельный и благородный обликъ котораго будетъ лучшимъ воспоминаніемъ изъ цикла моихъ житейскихъ встрѣчъ.

24 февраля 1920 года состоялся приказъ Главнокомандующаго объ утвержденіи Н. В. Чайковскаго въ званіи члена Совѣта Министровъ и меня въ званіи Министра Юстиціи территоріи вооруженныхъ силъ юга Россіи.

Въ тотъ же день я получилъ приглашеніе принять участіе въ засѣданіи Совѣта Министровъ.

XXXII.

Наканунѣ деклараціи Южно-Русскаго Правительства. Обѣщаніе амнистіи кубанцамъ. Выступление на Верховномъ Кругѣ. «Привѣтствіе» предсѣдателя Круга И. П. Тимошенко. Отказъ Главнокомандующаго отъ амнистіи. Попытка кубанцевъ упразднить соглашеніе. Наканунѣ оставленія Екатеринодара. Мѣры для охраны больныхъ и раненыхъ.

Екатеринодаръ клокоталъ въ эти дни самыми разнообразными настроеніями и вліяніями.

Въ казачьихъ сферахъ наблюдалась надломленность вѣры и предчувствіе краха въ ближайшемъ будущемъ.

Въ ставкѣ Главнаго Командованія, наоборотъ, преобладалъ оптимизмъ: силъ для отпора достаточно, только бы нашли волю и разумъ Кубанцы къ побѣдѣ.

По возвращеніи изъ Новороссійска Совѣтъ Министровъ предполагалъ въ ближайшіе же дни выступить передъ Верховнымъ Кругомъ съ программной деклараціей, текстъ которой былъ выработанъ Н. В. Чайковскимъ.

Одновременно, чтобы смягчить воспоминанія Кубанцевъ о ноябрьскихъ событіяхъ въ Екатеринодарѣ, министры просили Главнокомандующаго объ объявленіи амнистіи Кубанцамъ, потерпѣвшимъ гоненіе въ ноябрѣ 1919 года.

Поздно вечеромъ, 25 февраля, Н. М. Мельниковъ, возившій текстъ деклараціи А. И. Деникину, сообщилъ о послѣдовавшемъ согласіи Главнокомандующаго на предоставленіе амнистіи Кубанцамъ.

На слѣдующій день, 26 февраля, состоялась первая встрѣча Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства съ Верховнымъ Кругомъ Дона, Кубани и Терека.

Предсѣдатель Круга И. П. Тимошенко, открывъ засѣданіе, доложилъ, что къ нему поступило заявленіе Южно-Русскаго Правительства о желаніи выступить передъ Кругомъ съ деклараціей:

— Но съ этимъ Правительствомъ, — заявилъ И. П. Тимошенко, — ни въ какой органической связи мы не находимся, да къ тому же не знаемъ, гдѣ это Правительство будетъ развивать свою дѣятельность, — быть можетъ, въ теплыхъ краяхъ?... Поэтому будемъ считать эту декларацію просто сообщеніемъ.

Послѣ этого И. П. Тимошенко передалъ предсѣдательствованіе своему замѣстителю, и покинулъ залу засѣданій.

Послѣ недавней бесѣды съ И. П. Тимошенко меня поразилъ столь скорый переходъ его къ легкимъ тонамъ при первой же встрѣчѣ съ людьми, среди которыхъ

* Насколько этотъ отвѣтъ былъ искрененъ, я убѣдился уже черезъ нѣсколько дней.

былъ Н. В. Чайковскій, пользовавшійся признаніемъ и уваженіемъ уже въ тѣ годы, когда г. Тимошенко не носилъ не только казачьей черкески, но и просто мальчишескихъ штановъ.

Почти передъ выступленіемъ Н. М. Мельникова на трибуну, ему доложили о просьбѣ Главнокомандующаго не упоминать въ своей рѣчи о предполагающейся амнистіи кубанцамъ, такъ какъ Главнокомандующій передумалъ.

Оглашенная декларація была* принята Верховнымъ Кругомъ молчаливо. Когда Н. М. Мельниковъ уже сходилъ съ трибуны, раздалось нѣсколько голосовъ:

* Вотъ текстъ деклараціи:

«Во имя спасенія Родины и возрожденія ея на основахъ народовластія, по соглашенію Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи съ демократическимъ представительствомъ Дона, Кубани и Терека, на Югѣ Россіи образована новая власть, осуществляемая: Главкомандующими Вооруженными Силами Юга Россіи Антопомъ Ивановичемъ Деникинымъ какъ главою власти, Законодательной Палатой и Совѣтомъ Министровъ, отвѣтственныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ Законодательной Палатой изъ свободно избранныхъ представителей населенія.

Совѣтъ Министровъ образованъ въ слѣдующемъ составѣ:

Николай Михайловичъ Мельниковъ (Предсѣдатель Совѣта Министровъ),
Генералъ-Лейтенантъ Анатолій Кипріяновичъ Кельчевскій (Военный и Морской Мин.),
Николай Николаевичъ Баратовъ (Министръ Иностранныхъ Дѣлъ),
Владимиръ Феофиловичъ Зеелеръ (Министръ Внутреннихъ Дѣлъ),
Василій Михайловичъ Красновъ (Министръ Юстиціи),
Павель Михайловичъ Агѣевъ (Министръ Землеустройства и Земледѣлія),
Михаилъ Владимировичъ Бернадскій (Министръ финансовъ),
Леонидъ Владимировичъ Звѣревъ (Министръ Путей Сообщенія),
Федоръ Степановичъ Леонтовичъ (Министръ Торговли и Промышленно),
Филиппъ Семеновичъ Сушковъ (Министръ Народнаго Просвѣщенія),
Николай Савичъ Долгополовъ (Министръ Здравоохраненія и Призрѣнія),
Яковъ Лаврентьевичъ Щуплякъ (Министръ Продовольствія),
Николай Васильевичъ Чайковскій (Членъ Совѣта Министровъ).

Южно-Русское Правительство ставитъ своей задачей возстановленіе русской государственности черезъ Учредительное Собраніе на началахъ всенароднаго представительства и отвѣтственности власти. Оно стремится не пользоваться демократическую государственность для проведенія и осуществленія въ жизни коренныхъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ въ интересахъ народа и прежде всего трудящихся крестьянъ, казаковъ и рабочихъ.

Мелкая собственность трудового типа — общинная, товарищеская, подворная или единоличная — сохраняется въ полной неприкосновенности за ихъ нынѣшними законными владѣльцами. Вся земля, чья бы она ни была, превышающая опредѣленную законную норму, немедленно и въ полномъ объемѣ поступаетъ въ распредѣленіе между нуждающимися въ землѣ съ выдачей правительственными органами соответствующихъ документовъ. На этихъ основаніяхъ, впредь до разрѣшенія земельного вопроса въ полномъ объемѣ Учредительнымъ Собраніемъ, будетъ изданъ въ срочномъ порядкѣ временный законъ о землѣ. Владѣльцы отчуждаемыхъ земель устраняются отъ переговоровъ и расчетовъ съ новыми владѣльцами. Переговоры и расчеты по земельнымъ дѣламъ ведетъ Правительство черезъ особые его органы, созданные на демократическихъ началахъ.

Земельные законы Дона, Кубани и Терека проводятся въ жизнь мѣстными законодательными учрежденіями.

По вопросу рабочему Правительство приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы условія и оплата труда обеспечивали рабочему и служащему существованіе, достойное гражданина свободной страны. Правительство беретъ на себя совместно съ профессиональными организаціями охрану интересовъ трудящихся и приметъ мѣры къ страхованію ихъ отъ увѣчій, инвалидности, болѣзни и старости. Правительство предоставитъ трудовому населенію выгоды крупнаго капитала черезъ кооперативныя организаціи, содѣйствуя развитію послѣднихъ.

Правительство поставитъ на мѣстахъ честную администрацію, вся дѣятельность которой будетъ проникнута законностью и будетъ обеспечивать жизнь, свободу, честь и достоиніе гражданъ. Власть отвѣтственная и твердая будетъ неуклошно проводить въ жизнь указанія центрального правительства и установитъ столь нужный для гражданъ порядокъ. Городскія и земскія самоуправленія будутъ возстановлены на основахъ всеобщаго голосованія.

Правительство будетъ вести беспощадную борьбу съ моральнымъ разваломъ, со взяточни-

— А амнистія?

Н. Н. Баратовъ, обратившійся къ Верховному Кругу съ горячимъ призывомъ о единеніи всѣхъ борющихся силъ и о поддержкѣ Правительства, нѣсколько подъялъ настроеніе, но все же стало очевидно, что на установленіе «органической связи» Верховнаго Круга съ Южно-Русскимъ Правительствомъ надежды мало.

чествомъ, спекуляціей, сведеніемъ личныхъ счетовъ, и всемѣрно пойдетъ навстрѣчу проявленію творческихъ силъ населенія и повышенію производительности труда.

Правительство обезпечитъ каждому свободу исповѣданія и защититъ религію и святыни отъ поруганій и насилій.

Правительство, ставя своей задачей снабженіе населенія необходимыми товарами въ достаточномъ количествѣ на основахъ правильнаго товарообмѣна, приметъ всѣ мѣры къ восстановленію нормальной работы желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній.

Признавая просвѣщеніе основой благосостоянія народнаго, Правительство приложитъ всѣ усилія къ восстановленію и поддержанію разрушенныхъ и къ насажденію и развитію новыхъ культурныхъ и образовательныхъ учреждений.

Въ области внѣшнихъ отношеній Правительствомъ намѣрено охранять преемство политики, которое выражается въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Великими Западными Демократіями и съ Великой Заатлантической Республикой, спаянныхъ съ Россіей общей борьбой за истинную свободу и справедливость. Правительство не забудетъ, что Союзныя Націи своей побѣдой разрубили тотъ узелъ, который былъ затянутъ на шеѣ русскаго народа Брестъ-Литовскимъ мирнымъ договоромъ. Оно не забудетъ и того, что, освободивъ Россію отъ одного насилія, Западныя Державы тотчасъ же протянули руку помощи русскимъ національно-мыслящимъ кругамъ противъ изувѣрства и насилій новыхъ деспотовъ, захватившихъ власть на Русской Землѣ и залившихъ ее братской кровью. Державы, очевидно, побуждались къ этому сознаниемъ тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя были принесены русскимъ народомъ для общей побѣды союзниковъ.

Правительство будетъ стремиться въ вѣщему закрѣпленію узъ дружбы съ Союзными Державами и приложитъ всѣ усилія къ налаженію взаимныхъ торгово-экономическихъ отношеній, столь важныхъ въ обоюдныхъ интересахъ при современномъ потрясеніи хозяйственнаго строя во всемъ мірѣ.

Столь же горячо Правительство будетъ работать надъ развитіемъ преемственныхъ узъ братской дружбы съ единокровными намъ славянскими странами, нынѣ вышедшими на путь свободнаго развитія своихъ культурно-національныхъ и производительныхъ силъ. Славянское единеніе необходимо въ цѣляхъ обезпеченія Европѣ длительного и прочнаго мира.

Въ частности, Правительство озабочится упроченіемъ отношеній съ Польшей, независимость которой Россія, въ лицѣ Временнаго Правительства, признала первою изъ всѣхъ державъ и тѣмъ явила міру искреннее желаніе предать забвенію всѣ прежнія русско-польскія недоразумѣнія. Мы твердо вѣримъ, что въ новой эрѣ, которая открылась передъ обоими братскими народами, не будетъ мѣста прежнимъ грѣхамъ ни съ той, ни съ другой стороны.

Со всѣми нашими сосѣдями и друзьями мы хотимъ жить въ мирѣ и согласіи, ибо никто сейчасъ болѣе Россіи не нуждается въ мирѣ, чтобы залѣчить раны, нанесенныя ей великой войной и великой анархіей большевиковъ. Только по отношенію къ послѣднимъ мы остаемся и останемся до конца непримиримыми, ибо пока не пораженъ большевизмъ, растоптавшій въ грязи великіе заветы свободы, равенства и братства, не будетъ мира и счастья не только на Руси, но и во всемъ мірѣ.

Россія выйдетъ изъ своихъ страданій духовно обновленною и это обновленіе должно прежде всего отразиться на взаимоотношеніяхъ всѣхъ населяющихъ ее народностей. Особенныя старанія Правительство приложитъ къ налаженію вполнѣ дружественныхъ взаимоотношеній съ ближайшими къ намъ Закавказскими образованіями, — Грузіей, Азербейджаномъ и Арменіей.

Мы мыслимъ Россію единой и великой, но это не является отрицаніемъ культурныхъ, національныхъ и исторически сложившихся особенностей, входящихъ въ ея составъ частей. Уже нынѣ мы заявляемъ о признаніи нами самостоятельности существованія фактическихъ Правительствъ окраинъ, ведущихъ борьбу съ большевиками. Мы считаемъ, что установленіе будущихъ отношеній окраинъ къ Россіи совершится путемъ договора обще-русскаго Правительства съ окраинными Правительствами, причемъ допускается посредничество Союзныхъ Державъ. Мы вѣримъ, что когда будетъ пораженъ большевизмъ, передъ неустовствомъ котораго содрогнулся весь образованный міръ, всѣ народы, населяющіе Россію, сразу увидятъ и поймутъ, насколько ихъ собственными національными, культурными и хозяйственными интересами повелительно диктуется единеніе съ великимъ русскимъ народомъ, отказавшимся безвозвратно отъ системы угнетенія слабѣйшихъ, а готовымъ, наоборотъ, приобщить ихъ къ общему подвигу строенія зданія Великой, новой, Свободной Россіи».

Учтя это, Кубанская фракція Верховнаго Круга въ тотъ же вечеръ поставила вопросъ о пересмотрѣ рѣшенія о соглашеніи съ Главнымъ Командованіемъ, но предложеніе кубанцевъ было отвергнуто большинствомъ всѣхъ противъ голосовъ кубанцевъ.

Событія развивались такъ быстро, что объ органической работѣ не могло быть и рѣчи.

Вся атмосфера, царившая въ эти дни въ Екатеринодарѣ, была насыщена ощущеніемъ приближающейся катастрофы.

Городъ былъ забитъ больными и ранеными, которыхъ полностью не представлялось возможнымъ вывезти, и переполненъ сверхъ мѣры бѣженцами, ютившимися за отсутствіемъ крова со всѣмъ своимъ скарбомъ таборами подъ открытымъ небомъ.

Всѣхъ насъ удручала мысль, что будетъ съ больными, ранеными и безпріютными бѣглецами при вступленіи красныхъ полчищъ въ этотъ очагъ «казацкой контрреволюціи».

Совѣтомъ, по соглашенію съ Главнокомандующимъ, мнѣ было поручено попытаться продѣлать тотъ опытъ, который далъ положительные результаты въ 1918 году, когда Добровольческое Командованіе рискнуло оставить въ ст. Дядьковской своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіи освобожденныхъ большевиковъ, давшихъ слово оберечь раненыхъ отъ расправы.

Ген. Деникинъ такъ описываетъ этотъ эпизодъ въ ст. Дядьковской. — ...«Врачи составили списокъ раненыхъ, не могушихъ выдержать перевозки, которыхъ оказалось около 200; станичный сборъ постановилъ принять ихъ на свое попеченіе; оставлена была извѣстная сумма денегъ, врачъ, сестры и нѣсколько заложниковъ, выведенныхъ кубанцами изъ Екатеринодара, среди которыхъ былъ вліятельный большевикъ Лиманскій, давшій слово оберечь раненыхъ и исполнившій добросовѣстно свое обѣщаніе»*.

Въ Кубанской краевой тюрьмѣ содержался въ эти дни тотъ самый «вліятельный большевикъ Лиманскій», который, по свидѣтельству ген. Деникина, уже однажды добросовѣстно выполнилъ данное имъ обѣщаніе**.

Я пробылъ 27 и 28 февраля въ корпусахъ Кубанской тюрьмы, обойдя все ея помѣщенія и выслушавъ заявленія содержавшихся въ ней.

Подъ вечеръ 28 февраля при участіи А. Лиманскаго былъ составленъ списокъ 29 лицъ, подлежащихъ освобожденію. При мнѣ лица эти покинули помѣщеніе тюрьмы съ выданными за моею подписью удостовѣреніями.

Передъ отъѣздомъ я обратился къ тюремной администраціи и стражѣ съ напоминаніемъ, что какія бы то ни было безсудныя расправы и насильственныя дѣйствія надъ заключенными не могутъ быть допущены, и что военная власть обѣщала принять все мѣры къ огражденію порядка.

Когда я возвращался изъ тюрьмы, улицы были заполнены непрерывной лентой военныхъ и бѣженскихъ обозовъ и кое-гдѣ на окраинахъ хлопали выстрѣлы.

На другой день я довелъ до свѣдѣнія члена Кубанскаго Правительства по дѣламъ юстиціи, г. Сулятицкаго о мѣрахъ, предпринятыхъ мною въ Кубанской тюрьмѣ, и обратилъ вниманіе его, что за учрежденіями Кубанскаго Правительства числится 169 лицъ въ порядкѣ, противорѣчащемъ требованіямъ закона.

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки Русской Смуты», т. II, стр. 311.

** Числился А. Лиманскій за Главнымъ Военнымъ и Военно-морскимъ Прокуроромъ вооруж. силъ Юга Россіи по обвиненію «въ большевизмѣ».

Отъездъ изъ Екатеринодара. Въ пути. Возвращеніе въ Екатеринодаръ Л. В. Звѣрева, В. Ф. Зеелера и Н. С. Долгополова. Встрѣча съ г. Т. Послѣдніе дни Екатеринодара. Временный комитетъ. Будированіе кубанцевъ. Переговоры ихъ о личныхъ гарантіяхъ. Паденіе Екатеринодара.

29 февраля поѣздъ Главнокомандующаго отбылъ изъ Екатеринодара, а на другой день отошелъ въ Новороссійскъ поѣздъ Правительства.

Я не берусь описывать жуткихъ картинъ, развертывавшихся передъ глазами во время пути.

Поѣздъ медленно двигался вдоль сплошного потока перемѣшанныхъ человѣческихъ массъ, обозовъ, подводъ и кибитокъ. Это былъ поистинѣ великій исходъ народа, заполнившаго своею движущейся массой, кибитками и гуртами скота, все дороги и широкую полосу прилегающихъ полей.

Дулъ сильный вѣтеръ. Начиналась метель.

Выведа поѣздъ на нѣсколько станцій отъ Екатеринодара, министръ путей сообщеній Л. В. Звѣревъ отбылъ на дрезинѣ обратно въ городъ. Вмѣстѣ съ нимъ выѣхали въ Екатеринодаръ В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ.

Поѣздъ нашъ двигался до Новороссійска трое сутокъ, уступая дорогу иногда по расписанію, но чаще въ нарушеніе его, поѣздамъ, вооруженные пассажиры которыхъ, не желая считаться ни съ какими графиками, съ нагайками и револьверами въ рукахъ, заставляли продвигать ихъ поѣзда дальше.

Къ намъ то и дѣло поступали жалобы на учиненныя на станціяхъ насилія, заявленія о проходѣ поѣздовъ безъ надлежащихъ разрѣшеній, о захватѣ паровозовъ, наконецъ, о стрѣльбѣ въ служащихъ и постоянныхъ угрозахъ расправы.

На одной изъ станцій, гдѣ утомительно долго стоялъ нашъ поѣздъ, пропуская обгонявшіе насъ составы, вниманіе мое привлекъ, бесѣдовавшій о чемъ-то съ управляющимъ дѣлами совѣта И. М. Нарцевымъ, молодой штатскій съ коротко подстриженными усами.

— Гдѣ я его встрѣчалъ, — вертѣлся вопросъ въ головѣ.

Замѣтивъ, вѣроятно, направленный въ его сторону мой взглядъ, бесѣдовавшій направился ко мнѣ.

— Позвольте представиться: директоръ канцеляріи министра... Т.

При этомъ онъ сдѣлалъ жестъ, оправляющій кольца несуществующихъ усовъ. Въ ту же минуту я вспомнилъ.

— Мы съ вами уже встрѣчались.

— Гдѣ, позвольте узнать?

Въ кабинетѣ Московскаго Городскаго Головы, гдѣ вы были, кажется, лицомъ, исполнявшимъ распоряженія министра Н. А. Маклакова.

Мой собесѣдникъ смутился.

— Вѣроятно, эта справка невыгодна для меня въ вашей памяти.

Дѣйствительно, «справка», всплывшая въ моей памяти, была невыгодна для теперешняго положенія г. Т.

Въ 1915, если не ошибаюсь, году былъ назначенъ въ Москвѣ съѣздъ уполномоченныхъ союза городовъ, но, когда уполномоченные уже съѣхались, послѣдовало распоряженіе министра Н. А. Маклакова о воспрещеніи съѣзда.

Съѣхавшеся сдѣлали нѣсколько попытокъ собраться на частное совѣщаніе, сначала въ Камергерскомъ переулкѣ, потомъ у А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова, но полиція неуклонно мѣшала ихъ бесѣдѣ, вплоть до вторженія въ особнякъ С. Н. Третьякова.

Повторялась картина, столь обычная для студенческихъ сходокъ, разгоняемыхъ полиціей, съ тою только разницей, что вмѣсто студенческой молодежи было нѣсколько десятковъ провинціальныхъ мэровъ и не было наряда конныхъ городовыхъ и жандармеріи для загона «бунтующей молодежи» въ манежъ.

Московскій городской голова М. В. Челноковъ, бывшій въ то же время и Главноуполномоченнымъ Союза Городовъ, пригласилъ съѣхавшихся собраться у него въ служебномъ кабинетѣ для совмѣстной бесѣды.

Но какъ только уполномоченные собрались, раздался стукъ въ двери и въ кабинетъ М. В. Челнокова вошелъ молодой чиновникъ въ формѣ штатскаго генерала. Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ объявилъ присутствующимъ въ кабинетѣ:

— Вслѣдствіе распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію Его Превосходительства, московскаго градоначальника, прошу присутствующихъ покинуть это помѣщеніе.

— Позвольте васъ спросить, — поднялся изъ за стола М. В. Челноковъ, — съ какихъ это поръ Московскій Городской Голова не воленъ быть хозяиномъ у себя въ кабинетѣ?

— Не могу знать, Ваше Превосходительство, — отчеканилъ чиновникъ, — прошу присутствующихъ подчиниться.

— Вѣроятно, вамъ извѣстно, — продолжалъ М. В. Челноковъ, что сюда собрались Городскіе Головы, прибывшіе изъ далекихъ мѣстъ, не для того только, чтобы выслушать приказаніе Его Превосходительства, Московскаго градоначальника?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство. Прошу подчиниться.

— Кромѣ того, вамъ, конечно, извѣстно, — обратился къ чиновнику Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Некрасовъ, — что подчиненные, исполняя незаконномѣрное распоряженіе своего начальства, тоже несутъ отвѣтственность за его незаконномѣрность?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство, — отчеканилъ чиновникъ, оправляя привычнымъ жестомъ колечки усовъ, — извѣстно... Прошу подчиниться.

Мы подчинились.

Теперь я встрѣтилъ г. Т. въ новомъ званіи на службѣ Южно-Русскаго Правительства, но уже безъ представительныхъ усовъ, такъ пышно расцвѣтающихъ на полицейской службѣ.

Вернувшіеся изъ Екатеринодара В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ рассказали, что тамъ происходитъ.

Гражданская власть въ городѣ перешла сначала въ руки городского самоуправления, а затѣмъ была передана временному комитету, въ составъ котораго вошла часть лицъ, освобожденныхъ мною передъ отъѣздомъ изъ тюрьмы.

По позднѣйшему признанію начальника Екатеринодарскаго гарнизона, ген. Гандурина, временный комитетъ въ значительной степени помогъ военной власти сохранить порядокъ въ городѣ до послѣдняго момента.

Воспользовавшись отсутствіемъ почти полностью Терцевъ и въ значительномъ количествѣ Донцевъ, Кубанцы вынесли на Верховномъ Кругѣ передъ тѣмъ, какъ покинуть Екатеринодаръ, постановленіе о полномъ разрывѣ съ ген. Деникинымъ и

въ сферѣ военнаго командованія и въ области гражданскаго управленія, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно приступить къ организаціи обороны собственными силами и организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января*.

Но, узнавъ объ этомъ постановленіи Верховнаго Круга, опротестовали его сначала Терская, а затѣмъ и Донская фракціи, выразивъ сомнѣніе въ наличности надлежащаго кворума на этомъ засѣданіи Верховнаго Круга и не соглашаясь съ существомъ этого постановленія.

Попутно выяснилось, что постановленіе Круга о разрывѣ съ ген. Деникинымъ вынесено подъ давленіемъ созданной Кубанцами сенсаціи, что военно-начальники уже вышли изъ повиновенія Главнокомандующему и что ген. А. К. Кельчевскій изъявилъ согласіе стать во главѣ объединеннаго Командованія.

Н. С. Долгополовъ рассказалъ еще объ одномъ характерномъ для кубанцевъ эпизодѣ, въ связи съ освобожденіемъ, по постановленію Южно-Русскаго Правительства, 29 лицъ изъ Кубанской краевой тюрьмы.

Освобожденнымъ было предложено, подъ угрозой новаго заключенія подъ стражу, гарантировать безопасность остающимся въ Екатеринодарѣ членамъ Кубанскаго правительства, Рады и оставленнымъ въ городѣ ихъ семьямъ.

Въ отвѣтъ на это предложеніе былъ полученъ будто бы такой отвѣтъ:

— Мы являемся въ одинаковой мѣрѣ политическими врагами и Южно-Русскаго Правительства, и вашими. Но первое, освобождая насъ въ интересахъ охраны больныхъ и раненыхъ, не ставило намъ никакихъ предложеній ни о собственной безопасности, ни о безопасности своихъ семей. За это мы невольно уважаемъ ихъ, а вы... дѣлайте съ нами, что хотите, но отъ переговоровъ съ вами увольте...

5 марта въ Новороссійскѣ были получены свѣдѣнія о паденіи Екатеринодара.

XXXIV.

Переполненіе Новороссійска. Послѣднія надежды на «психологическую позицію». Засѣданіе въ поѣздѣ Главнокомандующаго. Сообщение ген. А. П. Богаевского. Докладъ ген. И. П. Романовскаго. Захватъ красными переправы черезъ Кубань. Распоряженіе Главнокомандующаго о погрузкѣ. Отъѣздъ изъ Новороссійска.

Помѣщался въ Новороссійскѣ поѣздъ Правительства на эстокадной пристани, вдали отъ города, откуда мы ежедневно выѣзжали въ управленіе вѣдомствъ, а по вечерамъ собирались въ салонъ-вагонѣ предсѣдателя для совмѣстнаго обсужденія возникавшихъ вопросовъ.

* Вотъ полный текстъ постановленія отъ 3 марта:

«Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, обсудивъ текущій политическій моментъ въ связи съ событіями на фронтѣ и принимая во вниманіе, что борьба съ большевизмомъ велась силами, въ социальномъ-политическомъ отношеніи слишкомъ разнородными, и объединеніе ихъ носило вынужденный характеръ, и что послѣдняя попытка Высшаго Представительнаго Органа Краевъ — Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека сгладить обнаруженные дефекты объединенія не дала желанныхъ результатовъ, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронтѣ, постановилъ: 1) считать соглашеніе съ ген. Деникинымъ въ дѣлѣ организаціи Южно-Русской Власти — не состоявшимся; 2) освободить атамановъ и правительствъ отъ всѣхъ обязательствъ, связанныхъ съ указаннымъ соглашеніемъ; 3) изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека изъ подчиненія ген. Деникину въ оперативномъ отношеніи; 4) немедленно приступить совмѣстно съ атаманами и правительствами къ организаціи обороны нашихъ краевъ — Дона, Кубани и Терека и прилегающихъ къ нимъ областей; 5) немедленно приступить къ организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января 1920 года».

Текстъ послѣдняго постановленія приведенъ мною въ главѣ XXIX моихъ воспоминаній.

Въ самомъ городѣ, куда еще съ декабря 1919 года, при отходѣ арміи на югъ, была направлена лавина подневольныхъ и добровольныхъ бѣженцевъ, послѣдніе ютились въ обстановкѣ, не поддающейся описанію.

Въ городѣ свирѣпствовалъ сильный тифъ, больницы и лазареты были переполнены сверхъ всякой мѣры, и больные, въ большинствѣ случаевъ, лежали и умирали въ комнатахъ и углахъ, гдѣ бѣженцы занимали каждую пядь пространства.

Между тѣмъ, прибывали все новыя и новыя волны бѣженцевъ, сначала въ облѣпленныхъ ими поѣздахъ, а потомъ уже коннымъ и пѣшимъ порядкомъ.

На желѣзнодорожныхъ путяхъ, загроможденныхъ бѣженскими вагонами-жилищами, возникъ новый городъ, съ каждымъ днемъ все болѣе разраставшійся и заставлявшій желѣзнодорожную администрацію прибѣгать къ героическимъ и жестокимъ мѣрамъ, чтобы отвоевать пространство для необходимаго маневрированія.

Начавшаяся еще въ февралѣ эвакуація семействъ служащихъ въ Турцію и Сербію не могла сколько-нибудь замѣтно разрядить бѣженскія массы, наоборотъ, численно увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, а въ послѣдніе дни — съ каждымъ часомъ.

Для служащихъ центральныхъ управленій подготавливался на случай эвакуаціи пароходъ «Віолетта», съ большимъ трудомъ отвоеванный для этой цѣли, находившійся все же не въ прочномъ обладаніи лицъ, завѣдывавшихъ этой частью эвакуаціи.

И тѣмъ не менѣе до 7 марта, несмотря на весь этотъ катастрофическій хаосъ, еще не потеряна была надежда на устойчивость «психологическаго» рубежа Кубани, за многоводнымъ теченіемъ которой казачьи части, вѣрилось, выйдутъ изъ охватившей ихъ простраціи, встанутъ, собравшись съ силами, на защиту своихъ очаговъ и сломятъ наступленіе красныхъ.

7 марта подъ предѣтельствомъ Главнокомандующаго въ его поѣздѣ, у Каботажной пристани, состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ при участіи начальника штаба ген. И. П. Романовскаго и Донскаго атамана А. П. Богаевскаго.

Ожидался пріѣздъ или прилетъ Командующаго Донской арміей В. И. Сидорина и начальника его штаба ген. А. К. Кельческаго, но ни тотъ, ни другой не прибыли.

Донской атаманъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, въ которой состоялось постановленіе Верховнаго Круга о разрывѣ съ Главнымъ Командованіемъ, и объ обращеніи казачьей депутаціи къ ген. Сидорину съ предложеніемъ принять на себя званіе Главнокомандующаго.

Услышавъ отъ ген. Сидорина отвѣтъ, что такое постановленіе въ переживаемое арміей трудное время онъ можетъ трактовать только, какъ измѣну, а проводящихъ это постановленіе въ жизнь почитаетъ измѣнниками дѣлу въ самый серьезный моментъ борьбы, — депутаты очень смутились и заявили, что, повидимому, произошло какое-то недоразумѣніе, ибо ихъ увѣрили, что военно-начальниками вопросъ о разрывѣ съ ген. Деникинымъ уже рѣшенъ.

Какъ я уже упоминалъ, въ дальнѣйшемъ и Терцы, и Донцы опротестовали это постановленіе Круга и до конца своего пребыванія на русской территоріи не отрывались отъ Главнаго Командованія.

На этомъ же засѣданіи состоялся докладъ начальника штаба Главнокомандующаго.

Давъ подробную характеристику положенія, ген. Романовскій подчеркнул достаточную наличность и силу, и средствъ для отпора врагу.

— Для насъ является психологической загадкой то, что происходитъ... Но даже на подходахъ къ Новороссійску мы могли бы продержаться годы, — закончилъ ген. Романовскій.

Оптимизмъ ген. Романовскаго произвелъ обратное дѣйствіе на большинство присутствующихъ. Чувствовалось, что это докладъ не для Правительства, не для сотрудниковъ, органически спаянныхъ съ Главнымъ Командованіемъ, что много въ немъ не договорено, и жестокою правду скажетъ скоро ужъ сама жизнь.

На этомъ же засѣданіи впервые я замѣтилъ черту характера ген. А. И. Деникина, которая меня удивила.

Ф. С. Леонтовичъ сообщилъ о срочной необходимости полученія изъ Грузіи топлива для нашихъ судовъ, принужденныхъ бездѣйствовать въ такой острый моментъ.

Между тѣмъ, мы еще не выполнили нашего обѣщанія передъ Грузіей передать верно изъ Новороссійскихъ запасовъ.

— Сколько имъ обѣщано? — спросилъ ген. Деникинъ.

— 200,000 пудовъ.

— Дайте имъ 20,000.

— Но вѣдь запасы все равно погибнуть, разъ суда будутъ бездѣйствовать.

— Дайте имъ 25,000.

Когда мы возвращались черезъ бухту къ себѣ на эстокадную пристань, въ эту бурную ночь, хлеставшую порывами вѣтра и волнъ, мы еще не знали, что въ этотъ же день, 7 марта, красные овладѣли переправой черезъ Кубань и всего нѣсколько дней отдѣляютъ и армію, и населеніе, сплотившееся на этомъ клочкѣ земли, отъ окончательной катастрофы.

Какъ же могло случиться, что «психологическая позиція» рухнула такъ легко и скоро, — послѣдняя позиція, защищаемая многоводной Кубанью и значительными силами войскъ?

Намъ, людямъ не военнымъ, разрѣшить эту загадку не дано. Объ этомъ расскажутъ военные авторитеты.

Судить о томъ, что представлялъ собою Новороссійскъ въ эти дни, можно по слѣдующему приказу Главнокомандующаго*:

«Новороссійскъ сталъ тыловымъ вертепомъ. Улицы кишатъ молодыми, здоровыми воинами-дезертирами, отыгрывающимися на крови боевыхъ частей.

Положить конецъ этому преступленію:

1) Закрыть всѣ возникшія на почвѣ развала, не утвержденныя властью, военныя общества. Въ случаѣ неисполненія—руководителей предавать полевому суду: сотня, полкъ, батарея, дивизія—вотъ вамъ настоящія здоровыя военныя общества!

2) Не допускать никакихъ собраній и митинговъ.

3) Приступить къ задержанію и сужденію полевымъ судомъ всѣхъ воиновъ-дезертировъ, отлучившихся отъ частей, не явившихся для регистраціи послѣ расформированія ихъ частей и учреждений, а также всѣхъ уклоняющихся военно-обязанныхъ.

Тѣ, кто избѣжать учета, пусть помнятъ, что, въ случаѣ эвакуаціи Новороссійска, будутъ брошены на произволъ судьбы».

8 марта въ засѣданіи совѣта было доложено оффиціальное сообщеніе Британской Миссіи о трагической гибели Верховнаго Правителя Россіи, адмирала Колчака.

Въ концѣ засѣданія былъ поставленъ вопросъ объ общей отставкѣ министровъ.

Противъ этого горячо возражалъ Н. В. Чайковскій, убѣдившій въ несвоевременности этого шага.

Еще днемъ 8 марта было сдѣлано распоряженіе о погрузкѣ служащихъ центральныхъ управленій на пароходъ «Віолетта», на которомъ предполагало отбыть въ Феодосію и Правительство.

* Отъ 8 марта 1920 года за № 2766.

Но въ ночь на 10 марта, почти на разсвѣтъ, Главнокомандующимъ было сообщено Совѣту о необходимости Правительству выѣхать утромъ 10 марта на англійскомъ пароходѣ — «Бюргермейстръ Шредеръ», идущемъ въ Севастополь, безъ захода въ Феодосію. Погрузка должна была быть произведена въ теченіе 2—3 часовъ. Остаться должны были министры: финансовъ — М. В. Бернацкій, военный — ген. В. Е. Вязьмитиновъ и замѣстители министровъ — продовольствія, торговли и промышленности и внутреннихъ дѣлъ.

На пароходѣ этомъ, заполненномъ бѣженцами, покидавшими Россію, Правительство получило мѣсто на верхней палубѣ.

Въ 8 час. утра пароходъ отошелъ отъ англійской базы.

XXXV.

Въ Севастополѣ. Судь ген. Слащева. «И добавляю...» Экспертиза ген. Шиллинга. Оріентація епископа Веніамина. Предполагаемое совѣщаніе съ Крымскими общественными и политическими дѣятелями. Земельный законопроектъ. Разговоръ по прямому проводу. Внезапное расформированіе Совѣта Министровъ.

Приѣзду Правительства въ Севастополь предшествовала разыгравшаяся тамъ исторія, вызвавшая затѣмъ общую трехдневную забастовку Крымскихъ рабочихъ.

6 марта Особымъ Отдѣломъ Морского Управленія было арестовано десять лицъ, въ томъ числѣ и популярный въ Севастополѣ врачъ Я. С. Гитинъ, и затѣмъ всѣ арестованные были преданы военно-полевому суду по обвиненію ихъ въ подготовкѣ въ Севастополѣ возстанія.

Приговоромъ военно-полевого суда, состоявшимся 10 марта, пять изъ нихъ, въ томъ числѣ врачъ Гитинъ, были оправданы, трое приговорены къ срочной каторгѣ и трое къ смертной казни.

Представленный на конфирмацію приговоръ этотъ комендантомъ крѣпости, ген. А. Ф. Турбинымъ, утвержденъ не былъ и нормальнымъ по закону направленіемъ дѣла была бы передача его на новое разсмотрѣніе въ военно-морской судъ, съ примѣненіемъ тѣхъ гарантій, которыя даетъ военно-судебный уставъ.

Такой исходъ дѣла не понравился ген. Слащеву. Онъ вывезъ обвиняемыхъ въ свою резиденцію Джанкой для преданія ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и оправданныхъ, новому военно-полевому суду тамъ же.

Это уже была простая расправа, не прикрытая даже законами военнаго времени, и такія упрощенныя дѣйствія ген. Слащева вызвали среди населенія понятную тревогу.

На другой же день по водвореніи Южно-Русскаго Правительства въ Севастополь — и къ отдѣльнымъ министрамъ, и къ Совѣту въ цѣломъ явились депутаціи отъ мѣстнаго самоуправленія и профессиональныхъ союзовъ съ обращенной къ Правительству просьбой содѣйствовать нормальному направленію этого дѣла.

Отдавая себѣ отчетъ, насколько мало надежды на благопріятные результаты сулить такое обращеніе власти гражданской къ мѣстному Наполеону, Совѣтъ Министровъ все же поручилъ своему предсѣдателю Н. М. Мельникову и министру внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеселеру снестись по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

На обращеніе Н. М. Мельникова, въ которомъ онъ юридически обосновалъ желаніе гражданской власти, чтобы дѣйствующія нормы закона не нарушались бы, былъ полученъ отвѣтъ ген. Слащева:

— Эти «прохвосты» уже разстрѣляны.

Можно понять, какое впечатлѣніе этотъ отвѣтъ долженъ былъ произвести на родственниковъ арестованныхъ и представителей рабочихъ, собравшихся у зданія, гдѣ шелъ разговоръ по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

Мало того, на другой день ген. Слащевъ опубликовалъ въ газетахъ и въ сообщеніи войсковымъ частямъ текстъ этого разговора, дополнивъ его слѣдующей фразой:
— И добавляю, что никогда не позволю тылу диктовать фронту!

Судьба не дала мнѣ случая видѣть ген. Слащева, о которомъ одни говорили, какъ о способномъ и рѣшительномъ военномъ начальникѣ, другіе, какъ о привычномъ кокаинистѣ, дѣйствующемъ въ постоянномъ возбужденіи паровъ этого яда.

Но выпущенная ген. Слащевымъ уже въ Константинополь брошюра подъ заглавіемъ: «Требую суда гласности и общественнаго мнѣнія», не можетъ дать двухъ отвѣтовъ по вопросу объ оцѣнкѣ психическихъ качествъ ея автора.

Лучшаго памфлета, разоблачающаго ничтожество этого Крымскаго диктатора, надоѣвшаго, повидимому, всѣмъ своими безчисленными рапортами, не могли бы создать и его злѣйшіе враги.

Въ этой брошюрѣ ген. Слащева все получило свое мѣсто: и его претензія въ Россійскіе Наполеоны, и его порывы разрѣшить собственнымъ умомъ всѣ запутанные вопросы политики и экономики путемъ рапорта по начальству, и саморекламное вдохновеніе при описаніи своихъ подвиговъ, и непомѣрное самомнѣніе этого недоучившагося Митрофанушки.

Послѣ выхода этой брошюры, бредового содержанія, сталъ понятенъ и его послѣдующій шагъ перехода къ краснымъ, когда передъ отъѣздомъ изъ Константинополя онъ объявилъ «orbi et urbi»:

— Я ѣду защищать честь Россіи!

Другой мѣстный Наполеонъ, правда, уже имѣвшій свое Ватерлоо въ Одессѣ, Главноначальствующій ген. Шиллингъ, разъяснилъ въ печати, что дѣйствія ген. Слащева онъ признаетъ вполне правильными, на вопросъ же министра внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеелера, которому онъ былъ подчиненъ, какъ Главноначальствующій:

— Чѣмъ Вы руководствовались, признавъ дѣйствія Слащева правильными, когда законъ говоритъ обратное?

Ген. Шиллингъ отвѣтилъ:

— Я не юристъ и сейчасъ не могу Вамъ дать отвѣта, но, если угодно, наведу объ этомъ справки у юристовъ.

Наведеніе этихъ справокъ «если угодно», конечно, было безнадежнымъ занятіемъ для поднятія престижа закона и умаленія престижа генераловъ Шиллинговъ, сіявшихъ отраженнымъ сіяніемъ даже тогда, когда ихъ фаза приближалась къ ущербу.

Бокъ-о-бокъ съ Совѣтомъ Министровъ, ютившихся по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, занималъ бесплатно нѣсколько апартаментовъ уже лишенный воинской славы ген. Май-Маевскій, пользуясь бесплатно фешенебельнымъ помѣщеніемъ и, больше того, полегоньку продавая изъ этихъ апартаментовъ принадлежащее гостиницѣ имущество.

Вѣроятно, онъ тоже не претендовалъ на званіе юриста, но «если угодно», пожалуй, могъ бы обосновать свое право на чужое имущество исключительными обстоятельствами военного характера, не доступными пониманію штатскихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней, по переѣздѣ Правительства въ Севастополь, Н. М. Мельникова и В. Ф. Зеелера посѣтилъ мѣстный епископъ Веніаминъ, заявившій, что «онъ» не понимаетъ цѣли пріѣзда совѣта министровъ въ Крымъ, такъ какъ «онъ» ориентируется не на ген. Деникина, а на ген. Врангеля.

Такимъ образомъ, въ первые же дни появленія Южно-Русскаго Правительства на Крымской территоріи, передъ гражданской властью въ еще болѣе обостренной формѣ сталъ вопросъ о неизмѣнномъ поглощеніи властью военной и компетенціи, и престижа власти гражданской, всѣ шаги которой при такой обстановкѣ обречены быть бѣгомъ на мѣстѣ.

Этотъ вопросъ не разъ всплывалъ въ Совѣтѣ еще до переѣзда въ Крымъ, и въ Новороссійскѣ чуть не былъ рѣшенъ въ смыслѣ коллективнаго заявленія о выходѣ въ отставку, но отъ этого тогда насъ удержало опасеніе еще болѣе осложнить положеніе Главнаго Командованія, съ другой же стороны мысль о томъ, что быть можетъ въ Крыму, связавшись съ мѣстной общественностью, мы выйдемъ, наконецъ, изъ этого заколдованнаго круга поглощенія.

Дѣйствительно, по мѣрѣ пребыванія Совѣта въ Севастополѣ, у представителей Крымской общественности, съ кн. В. А. Оболенскимъ во главѣ, начало устанавливаться доброжелательное общеніе съ Совѣтомъ, подавшимъ мысль о желательности совмѣстнаго совѣщанія по вопросу о планѣ работъ Правительства и о введеніи въ его составъ мѣстныхъ дѣятелей.

Разработанный Правительствомъ земельный законопроектъ, повидимому, отвѣчалъ широкимъ чаяніямъ. У каждаго изъ насъ, въ сферѣ вѣдомственной работы, стало устанавливаться все болѣе прочное и доброжелательное общеніе съ мѣстными людьми.

Но совѣщанію не суждено было состояться.

Въ связи съ конфликтомъ, происшедшимъ у Совѣта съ ген. Слащевымъ, сдѣлавшимъ при этомъ попытку уронить престижъ гражданской власти передъ воинскими частями, Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку къ огражденію компетенціи гражданской власти отъ вторженія въ ея сферу военнаго правотворчества.

Предсѣдатель Совѣта Н. М. Мельниковъ долженъ былъ снестись по этому поводу съ Главнокомандующимъ и послалъ 16 марта офицера для порученій къ прямому проводу выяснитъ вопросъ, когда можетъ состояться бесѣда съ Главнокомандующимъ.

На запросъ Н. М. Мельникова, явившагося въ условленное время, изъ Феодосіи, гдѣ пребывалъ ген. А. И. Деникинъ, послѣдовалъ отвѣтъ:

— Главнокомандующій очень извиняется, онъ подойдетъ къ аппарату черезъ десять минутъ и проситъ васъ обождать.

Примѣрно черезъ полчаса къ аппарату подошелъ вмѣсто Главнокомандующаго М. В. Бернацкій.

— Главнокомандующій очень занятъ срочными военными дѣлами, заявилъ М. В. Бернацкій, — и не можетъ прибыть къ аппарату.

А затѣмъ добавилъ:

— Кстатн сообщаю вамъ, что только что подписанъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства.

Это сообщеніе «кстатн», выслушанное къ тому же даже не изъ устъ Главнокомандующаго, а порученное къ передачѣ М. В. Бернацкому, всегда державшему себя обособленно отъ остальнаго состава Совѣта, произвело невыразимо гнетущее впе-

чатлѣніе на всѣхъ насъ, ожидавшихъ сообщенія нашего премьера о результатахъ его сношенія съ Главнокомандующимъ.

Помню, одинъ изъ присутствовавшихъ, наиболѣе тѣсно связанный давней работой съ ген. Деникинымъ и узами личной съ нимъ дружбы, закрылъ руками глаза, на которыхъ выступили слезы.

Такимъ образомъ, было упразднено единоличнымъ актомъ Главнаго Командованія, даже безъ предварительнаго сношенія, Правительство, на организацію котораго, путемъ взаимныхъ компромиссовъ Главнаго Командованія и Казачества было затрачено такъ много времени и усилій.

XXXVI.

Послѣдняя встрѣча съ ген. Деникинымъ. — Дѣловое учрежденіе М. В. Бернацкаго. — Діалогъ Н. В. Чайковскаго и А. И. Деникина. — Отъѣздъ изъ Крыма.

18 марта составъ бывшаго Совѣта, за исключеніемъ В. Ф. Зеелера, оставшагося въ Севастополѣ, прибылъ въ Феодосію.

Въ газетѣ «Вечернее Время» уже былъ опубликованъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ и о порученіи М. В. Бернацкому организовать «дѣловое учрежденіе».

Въ тотъ же вечеръ Н. М. Мельниковъ и Н. Н. Баратовъ были вызваны къ Главнокомандующему.

По ихъ разсказу ген. Деникинъ встрѣтилъ ихъ словами:

— Браните меня, какъ хотите, за то, что я учинилъ съ Совѣтомъ, но я былъ вынужденъ это сдѣлать въ интересахъ самого же Совѣта.

Дальше ген. Деникинъ намекнулъ, что надъ головами министровъ въ Севастополѣ нависла непосредственная угроза*.

Затѣмъ ген. Деникинъ сослался, что М. В. Бернацкій напуталъ въ разговорѣ по прямому проводу, ибо онъ, ген. Деникинъ, не собирался оформить приказа о упраздненіи до разговора по прямому проводу и тѣмъ болѣе опубликовать приказъ.

Прощаясь, ген. Деникинъ выразилъ желаніе лично проститься со всѣми нами.

М. В. Бернацкій, просившій еще ранѣе Н. М. Мельникова и Н. В. Чайковскаго посѣтить его, предложилъ первому портфель юстиціи въ «дѣловомъ учрежденіи», а Н. В. Чайковскому дипломатическое представительство.

На вопросъ Н. В. Чайковскаго, что это за «дѣловое учрежденіе», М. В. Бернацкій разъяснилъ:

— Въ сущности, Правительство теперь должно быть чѣмъ-то, вродѣ канцеляріи при Главнокомандующемъ.

— Быть посломъ отъ канцеляріи я не могу, — отвѣтилъ Н. В. Чайковскій.

Н. М. Мельниковъ отъ портфеля въ этомъ учрежденіи отказался еще раньше.

На другой день состоялась «прощальная аудіенція» у Главнокомандующаго. Отсутствовали М. В. Бернацкій, перешедшій въ «дѣловое учрежденіе», В. Ф. Зеелеръ, оставшійся въ Севастополѣ, П. М. Агѣевъ, наотрѣзъ отказавшійся идти къ ген. Деникину.

* Пусть даже эта угроза была. Но все же было бы болѣе правильнымъ предоставить самимъ и каждому изъ министровъ распорядиться своею собственной головою.

Главнокомандующій въ Феодосіи имѣлъ пребываніе въ гостиницѣ «Асторія», и послѣдняя встрѣча съ нимъ произошла въ небольшой комнатѣ, едва вмѣстившей насъ.

Ген. Деникинъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, смущенно поздоровался съ каждымъ изъ насъ. Нѣкоторое время царило молчаніе.

Н. М. Мельниковъ отъ имени всѣхъ насъ пожелалъ военныхъ успѣховъ Главному Командованію, которымъ долженъ сопутствовать путь искренняго демократизма.

Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что демократическая линія, разъ принятая, будетъ проводиться послѣдовательно, были бы лишь военные успѣхи, и бѣгло ознакомилъ насъ съ военнымъ положеніемъ.

Когда ген. Деникинъ умолкъ, Н. В. Чайковскій задалъ вопросъ:

— Антонъ Ивановичъ, но все же, что васъ побудило совершить этотъ переворотъ?

— О какомъ переворотѣ говорите вы? — переспросилъ ген. Деникинъ.

— Объ упраздненіи Совѣта Министровъ.

— Что это, допросъ? — вдругъ вспыхнулъ ген. Деникинъ.

— Нѣтъ, это естественный вопросъ человѣка, давшего свое имя и силы для совмѣстной работы и устраненнаго внезапно отъ этой работы.

— Я назначаю, я и увольняю, — глухо отвѣтилъ ген. Деникинъ. — Къ тому же объ этомъ я уже подробно говорилъ съ вашимъ Предсѣдателемъ.

— Я больше вопросовъ не имѣю, — закончилъ этотъ разговоръ Н. В. Чайковскій.

Ф. С. Сушковъ указалъ на неблагоприятное впечатлѣніе, какое должно получиться отъ единоличнаго акта Главнокомандующаго, упразднившаго своею волей Правительство, возникшее въ результатѣ столь долгихъ переговоровъ, взаимныхъ уступокъ и соглашенія съ казачествомъ.

— Послѣ этого акта, — закончилъ Ф. С. Сушковъ, — въ опредѣленныхъ кругахъ будутъ культивировать убѣжденіе, что окончательно утрачена связь казачества съ Главнымъ Командованіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ мы простились съ Главнокомандующимъ.

Подъ Благовѣщенье, весною 1920 года, пароходъ «Викторія», на которомъ находился бывшій Совѣтъ Министровъ, по пути въ Константинополь, зашелъ въ Батумъ.

Здѣсь предполагали сойти Н. Н. Баратовъ, Я. Л. Щуплякъ и П. М. Агѣевъ. Не захотѣлось и мнѣ отрываться отъ Россіи.

Уже изъ газетъ въ Батумѣ я узналъ о военномъ совѣщаніи въ Севастополѣ, о вступленіи ген. П. Н. Врангеля въ званіе Главнокомандующаго и объ отъѣздѣ ген. Деникина въ Константинополь, гдѣ судьба готовила ему еще одинъ тяжкій ударъ — смерть отъ руки русскаго офицера его ближайшаго друга и сотрудника ген. И. П. Романовскаго.